

И (Англ)

С 32

серебряная
ВОЛЫНКА

Серебряная
ВОЛЫНКА

шотландские
народные
сказки

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Москва 1959

ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО

ХУДОЖНИК И. И. ТАУБЕР

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

В этом сборнике представлены шотландские народные сказки, создававшиеся на протяжении нескольких эпох: одни из них повествуют о патриархальных временах, другие знакомят с рыцарскими обычаями, а некоторые скорее можно отнести к бытовым новеллам.

Сказки для настоящего сборника взяты из двух сборников, вышедших за последние годы в Шотландии: «Народные сказки Северной Шотландии» Грегора Яна Смита и «Народные сказки порубежных районов» Уинфреда М. Петри.

О в с я н а я л е п е ш к а

НА ВСЕМ острове Скай не было женщины генивее Морэг, жены фермера Дональда из Дантулма. Как будто жаловаться ей было не на что: с хозяйством в маленьком домике Дональда управиться нетрудно, и колодец с питьевой водой от крыльца рукой подать, да и пачкать то, собственно, некому — ни ребенка нет в доме, ни собаки. Дональд же был работяга: он и торф для очага заготавливает и за двумя коровами ходит, а уж хлеба выращивает всем на загляденье. Но Морэг только бывало плачет да причитает деньденьской, а сама палец о палец не ударит. Наконец даже Дональд из себя вышел — чуть не стукнул ее суповой ложкой. Вот встала она однажды поутру и видит: кухня не прибрана, в очаге полно золы, кровать не застелена, посуда не вымыта, прялка — и та серая от пыли и паутины.

Помешивает она кашу и приговаривает:

«Бедная я, несчастная. И всю-то жизнь я должна работать да работать. Можно ли придумать что-нибудь хуже!»

И так ей стало жалко себя, что она и про кашу забыла, а та загустела и пристала ко дну. Разозлилась

Морэг пуше прежнего. Но тут она вдруг вспомнила, что людям иногда удается уговорить гномов работать на себя. А ведь позади их дома -- волшебная гора, так соседи говорили!

«Дай-ка, — думает ленивица, — заманю их к себе». Наложила она каши в миску, добавила сливок и поставила на крыльцо. Уж перед таким угощением гномы не устоят! И действительно, трудно было придумать лучший способ завлечь маленьких человечков. Спряталась она за дверь и стала ждать.

Вскоре послышался быстрый топот ног по дорожке. Потом костяная ложка застучала о миску с кашей. Морэг выглянула из-за двери. Так и есть! Десятка два гномиков толпились вокруг миски и по очереди уписывали кашу. Они были такие махонькие — ребенку по колено, одеты во все зеленое и проворные, как мышки.

Миска мигом опустела. Как только гномы покончили с кашей, они начали стучать в дверь, и Морэг поспешила их впустить.

«Добро пожаловать, — приветствовала она гостей, — надеюсь, вы пришли поработать?»

«Ты угадала, хозяйшка, — отвечали они. — Работы мы не боимся, но тебе придется кормить нас. Так что неси сковороду и начинай печь лепешки, скоро мы проголодаемся».

Морэг принесла сковороду и принялась печь овсяные лепешки, а гномы знай себе спуют, как трудолюбивые муравьи. Кто пол подметает, кто паутину сметает, кто масло сбивает, кто ткань начинает, а несколько гномов взялись трепать и чесать шерсть. Вот уж и прялка весело зажужжала. Никогда в этом доме так усердно не чинили, не штопали, не скребли и не чистили!

Тем временем Морэг все пекла да пекла лепешки, и они то и дело вырастали горой на кухонном столе. Но не успевали они остыть, как гномы прекращали

работу и улетали все до последнего кусочка. Это повторялось так часто, что Морэг пришла в отчаяние. Но жаловаться она боялась — того гляди, гномы заколдуют ее и уташат к себе в волшебную гору. Так и пекла она лепешки, пока вся мука не вышла. Ну и шум тогда поднялся! Гномы требовали лепешек. Морэг сказала, что пойдет к соседке одолжить мучицы, а сама пустилась что есть мочи в деревню, к домику одной старой-престарой бабушки. Пришла и горько заплакала:

«Бабушка, бабушка, помоги мне. Муж мой на горном пастбище, кухня полна гномов, и они скоро съедят все до крошки. Научи меня, как избавиться от них».

«Ты сперва скажи мне, как они к тебе попали», — спросила бабушка.

Морэг призналась, что заманила гномов кашей со сливками, чтобы они на нее работали.

«Поделом тебе, Морэг-белоручка, никогда больше не ленись и не полагайся на гномов. А теперь ступай домой, и когда подойдешь к двери, отвори ее и крикни: «Бегите, бегите! Ваш дом горит!» Гномы побегут к горе. Но знай, когда они увидят, что ты обманула их, они вернуться и уташат тебя с собой».

«Бедная я, несчастная, — пуше прежнего заплакала Морэг. — Не хочу я жить в волшебной горе до конца дней! Неужели нет способа не пустить их в дом?»

«Когда вернешься, — сказала бабушка, — переверни все, что гномы держали в руках, иначе они войдут, даже если ты запрешь дверь на все замки».

Морэг поблагодарила бабушку и поспешила домой. Подойдя на цыпочках к двери, она прислушалась. Гномы были заняты работой. Она приоткрыла дверь и крикнула: «Бегите, бегите! Ваш дом горит!» Гномы сразу бросили работу и высыпали гурьбой из дому. Быстро перебирая маленькими ножками, они

помчались к волшебной горе, а Морэг шмыгнула в дверь и заперлась изнутри.

Она все перевернула вверх дном и такой устроила беспорядок, что чуть не заплакала от огорчения: ведь гномы так аккуратно прибрали в доме. Едва она успела покончить с этим, как они вернулись и стали пищать за дверью, требуя впустить их.

«Открой нам, хозяйюшка!» — кричали они через замочную скважину.

«Я не могу отойти от сковороды, — отвечала Морэг, — лепешки пригорят».

«Метла, метла, что стоит у очага, открой нам!»

«Не могу, я стою на голове», — отвечала метла.

«Прялка, прялка, открой нам!»

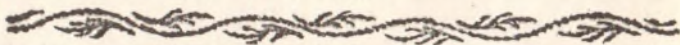
«Не могу, мое колесо привязано», — отвечала прялка.

Так же ответили разозлившимся гномам кастрюли, сковородки, деревянные тарелки — всё, что было в кухне. Наконец они обратились к маленькой овсяной лепешке, закатившейся в темный угол.

«Лепешка, лепешка, открой нам!» — закричали они своими пронзительными голосками, и маленькая лепешка сразу покатилаь по полу.

Она перепрыгнула через ногу Морэг, обогнула стол и добралась бы до двери, если бы Морэг, бросившись вперед, не наступила на нее. Тут с улицы послышался голос Дональда. Чары рассеялись. Гномы умчались, словно их ветром сдуло.

С тех пор Морэг даже и не поминала о гномах. Куда девалась ее лень! Она стала хорошей женой фермеру Дональду. Правда, он никак не мог уговорить ее испечь лепешек, но ведь это и не удивительно, не так ли?

Лодырю все ноши тяжелы

К о р о л ь - л о с о с ь

Король всех лососей жил один в глубоком горном озере Орхи. Это было уединенное озеро, скрытое тенью огромной горы и окаймленное густым рябинником. Никто не знал, что великий Лосось жил там, кроме Гобха Дубх — маленькой оляпки, которая искала корм на дне озера, да Кламхана — остроглазого сарыча, что охотился в горах.

Но однажды старый отшельник Тормод нашел место, где прятался Лосось. Сморщенные руки старика дрожали, когда он наклонялся к воде и следил за мелькавшей в глубине озера тенью, — он знал, что нет на земле никого мудрее Короля-лососа.

Каждый день, когда старик приходил тайком взглянуть на рыбу, он думал только об одном — как бы поймать Лосося и съесть кусочек его мяса. Ведь если ему удастся это сделать, вся мудрость замечательной рыбы перейдет к нему.

Сам Тормод был стар и слаб, и у него, конечно, не хватило бы сил справиться с такой громадиной. Кто же поможет ему? Много дней думал Тормод и наконец решил. Ни один охотник на свете не мог сравниться по силе и храбрости с молодым великаном Лаохеном. Лаохен поймает рыбу и сварит ее; только есть он ее не должен, иначе он, а не Тормод унаследует мудрость мира, которая заключена в сердце великой рыбы.

И позвал отшельник Лаохена.

«Хочу я испытать твое мужество, — сказал старик и поведал ему о благородной рыбе, живущей в глубине озера. — Поймай рыбу, сварь мне ее, и я всем

буду рассказывать, какой ты смелый и ловкий, — посулил ему коварный Тормод. — Я уже стар, и перед смертью хочется мне поесть лососины! А кто, кроме тебя, сумеет достать такую огромную рыбину из ее убежища? Уважь старика, Лаохен!»

Выслушав просьбу отшельника, Лаохен улыбнулся. «Но смотри, — продолжал старик, — ни один кусочек рыбы не должен коснуться твоих губ, а не то отсохнет твой язык и ты умрешь».

«Но как же ты будешь есть ядовитого Лосося, Тормод?» — удивленно воскликнул Лаохен.

«У меня есть магическое снадобье, которое подсластит кушанье и уничтожит его губительное действие. Потом, когда я попробую рыбы, мы съедем ее вместе. Ступай, убей Лосося, исполни желание старика». «Постараюсь, Тормод», — ответил молодой Лаохен и пошел прочь, оставив старика в приятных размышлениях.

Когда взошла луна, Лаохен лег на берегу горного озера и повернул свой блестящий щит так, что отраженный луч луны заскользил по воде. Вскоре поверхность озера заволновалась и показалась голова Лосося. Лаохен прицелился и метнул копье. В ту же минуту вода в озере, покрасневшая от крови чудовища, заклокотала и забурлила — это Лосось в бешенстве ударил хвостом. Всю ночь длилась битва, но к рассвету силы Лосося иссякли. Лаохен устало поднялся и, взвалив мертвого гиганта на спину, отправился готовить угощение для старого отшельника.

Лаохен поставил большой котел на огонь. Тут к нему подошел Тормод. Он молча наблюдал, как Лаохен почистил рыбу и опустил ее в котел, только глаза его сверкали от жадности — теперь уж он скоро будет владеть мудростью мира!

Лаохен же, боясь за свою жизнь, старался, чтобы ни один кусочек рыбы не коснулся его губ. Но он так

устал, что руки его дрожали, и, вытаскивая рыбу, он дотронулся до края котла и обжег палец. Лаохен быстро сунул его в рот, чтобы высосать ранку, и кусочек рыбы попал ему на язык.

Увидев это, Тормод всплеснул своими костлявыми руками и завопил от досады. Лаохен первый отдал рыбы, а ведь тот, кто первый съест хоть кусочек, унаследует мудрость Лосося!

Если верить рассказам, так оно и случилось: Лаохен всю свою жизнь был мудр, как сам Соломон. А старый Тормод, одинокий и жалкий, умер в своей келье у горного озера.

В е л и к а н ы и з Л о х - Ш и л а

Между синими горами, недалеко от Лох-Ши́ла, затерялась узкая долина. Сейчас только диву даешься, как ровны и зелены поля в этой долине и как гладки склоны окружающих ее гор, меж тем как по соседству все долины усеяны множеством камней.

Много лет тому назад и эта узкая долина была бесплодной, все тропинки были завалены большими валунами, повсюду виднелись обломки скал и острые камни. Люди в долине жили впроголодь — негде им было хлеб сеять, негде пасти тощий скот. А в маленькой хижине у подножия горы жил старый сказочник. Но он не только умел сказки сказывать, а вообще славился своей мудростью. Однажды жители долины пришли к нему за советом.

«Научи, мудрец, что нам делать, — сказали они. — Нет людей беднее нас, потому что живем мы в тесной долине, заваленной камнями, упавшими с гор. Хлеба у нас редко созревают, а скот угоняют воры, которым легко спрятаться за большими валунами. Неужели не найти нам такого места, где склоны не так каменисты и землю легко обрабатывать?»

Услышав эти жалобы, старый мудрец откатил несколько камней, и под ними показалась земля.

«Нигде вы не найдете земли плодороднее, чем в нашей долине», — ответил он.

«Может, оно и так, — отвечали жители долины, — да не под силу нам очистить ее от этих огромных камней».

А надо сказать, что в те времена на земле еще водились великаны. И по соседству с долиной, высоко в горах, жили два сердитых великана, которые постоянно спорили, кто из них сильнее. В тот же день старый мудрец поднялся в горы и сказал каждому из них:

«Полно вам ссориться да спорить. Конечно, я всего лишь бедный старик, но, насколько я разумею, спор ваш разрешить нетрудно. Спуститесь в долину и покажите людям свое могущество. А я задам вам задачу, чтобы вы померились силой, и тогда увидим, кто из вас сильнее».

Наутро зашумело, загудело в горах — это великаны спускались в долину. Старый мудрец и все жители вышли им навстречу.

«Ну-ка, посмотрим, — сказал старик, — кто из вас может закинуть камень на вершину горы».

Великаны рассмеялись и, подняв по валуну с такой легкостью, словно это были мелкие камешки, забросили их на самую макушку горы.

«Ловко! — похвалил старик. — Никогда не видел, чтобы камни забрасывали так далеко. А теперь возьмите-ка покрупнее».

Великаны подняли валуны величиной в семь человеческих голов и без труда забросили их за гору. Услышав отдаленный грохот падающих камней, люди задрожали от страха.

«Не поймешь, кто из вас сильнее, — сказал старый мудрец. — Придется задать вам новую задачу. Видите вы эти камни величиной с дом? Посмотрим, сколько каждый из вас сможет бросить таких камней сперва левой, а потом правой рукой».

Великаны тотчас взялись за дело. Поднимая громадные валуны левой рукой, они закидывали их за высокие горы. Так они шагали по долине, отрывая валуны от земли, и такой поднялся гул и грохот, словно буря разыгралась.

Устав бросать камни левой рукой, великаны принялись кидать их правой и кидали до самого вечера. Скоро в долине не осталось ни одного камня. А великаны так устали, что еле держались на ногах. «Клянусь семью яркими звездами, — сказал старик, — никак не поймешь, кто из вас сильнее, — мы уж со счета сбились. Ступайте-ка в горы и найдите камень, который упал дальше других, а потом возвращайтесь, и мы посмотрим, кто из вас снова забросит его так же далеко. Вот тогда мы узнаем, кто сильнее».

Продолжая громко спорить, глупые великаны отправились искать камень, который упал дальше других. Наверное, они ищут его и по сей день, потому что так и не вернулись. А жители долины, не теряя времени, принялись обрабатывать землю, очищенную великанами. И теперь нигде нет лучших хлебов, чем в узкой зеленой долине близ Лох-Шила. Но до сих пор, когда ветер доносит в долину отдаленный гул из-за гор, люди смеются и говорят друг другу: «Это глупые великаны спорят, кто из них сильнее».

Л а с к а и Л и с

В лесу близ Лох-Ломонда жил старый Лис. Каждую ночь таскал он кур у добрых людей, но не прочь был полакомиться и кроликами. Это не нравилось его соседке — маленькой бурой Ласке. Она считала, что охотиться за ними может только она. Но куда ей было тягаться с сильным и ловким Лисом! И частенько при-

ходило Ласке ложиться спать без ужина: не раз Лис выхватывал добычу из-под самого ее носа. Однажды Ласка, выйдя на охоту, наткнулась на крепко спавшего лесника. Рядом с ним лежали ружье, табакерка и десять убитых кроликов.

Зная, что Лис где-то недалеко, она быстро перетаскала на опушку всех кроликов, а заодно прихватила и табакерку и отправилась искать Лиса.

«Ну-ка, Лис, пойди и посмотри, какой чудесный ужин я раздобыла», — похвасталась Ласка.

«Ну чем может удивить такой маленький зверек столь прославленного охотника, как я?» — с усмешкой сказал Лис.

«Да вот поймала я десяток жирных кроликов, — с гордостью ответила Ласка. — Пойдем, увидишь сам».

И Лис с Лаской отправились на опушку леса. Увидев лежащих в ряд кроликов, Лис от удивления разинул пасть.

«М-да, у тебя и впрямь сегодня удачный день, — сказал он. — Как же тебе удалось поймать их, маленький зверек?»

«О, это было совсем нетрудно, — ответила Ласка. —

Я понюхала волшебный порошок из коробочки лесника и сразу стала сильной, как человек, и в десять раз сильнее тебя. А уж бегать я стала быстрее самого прыткого кролика. Для начала я не хотела себя утруждать и ограничилась лишь десятью. Вот, полюбуйся!»

Лис доверчиво слушал Ласку, а когда она сказала про волшебный порошок, он и совсем уши развесил. «А не хочешь ли ты сам понюхать этого порошку, друг мой?» — спросила Ласка.

Лис глянул на табакерку.

«Пожалуй, я не прочь», — ответил он, а сам подумал: «Уж если Ласка, понюхав порошок, смогла поймать десяток кроликов, то я наверняка поймаю сотню».

«Открой крышку и возьми понюшку, — сказала хитрая Ласка, — и держу пари, что по силе и быстроте тебе не будет равных».

Лис с жадностью схватил табакерку, открыл крышку и, сделав глубокий вдох, втянул в нос весь табак. И в тот же миг в носу у него словно загорелось. Лис завыл от жгучей боли.

«Апчхи-апчхи-апчхи», — зачихал он, так что эхо покатилося по лесу.

Тем временем Ласка подкралась к леснику, ущипнула его за ухо и шмыг в высокую траву.

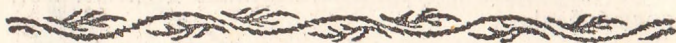
«Кто меня разбудил?» — сердито проворчал лесник, оглядываясь по сторонам. Тут он услышал какие-то странные звуки и, схватив ружье, побежал на шум. А маленькая Ласка посмеивалась, сидя в траве, и чутко прислушивалась к тому, что происходит.

Скоро она услышала громкий выстрел, и сразу все стихло.

Когда настала ночь, Ласка отправилась домой. Проходя мимо избышки лесника, она увидела на гвозде около двери лисий хвост. Теперь она могла без

помехи охотиться за кроликами, не боясь, что хитрый Лис оставит ее без ужина.

Лесник тоже был доволен: целее будут куры в окрестных деревнях.

В о л ш е б н а я п е щ е р а

Много есть историй — всех и не упомнишь — о волынщиках, которые попадали в незнакомые пещеры и больше не возвращались. Две такие истории я вам расскажу. В первой речь пойдет об Аласдэре Бэне с острова Скай, юноше из знаменитой семьи волынщиков Маккримон.

Однажды Аласдэр Бэн сушил на горе папоротник для подстилок на зиму. Как всегда, он захватил с собой волынку, чтобы поиграть после работы. Но солнце так припекало, что он скоро устал и с удовольствием прилег на мягкий мох отдохнуть.

Вскоре он заснул, и приснилась ему тихая речка; на камешке у воды сидит черный дрозд и поет, глядя на свое отражение. Когда Аласдэр проснулся, песня водяного дрозда все еще звучала у него в ушах. Рядом с юношей лежала его любимая волынка, и захотелось ему сыграть мелодию, которую он слышал во сне. «Ничего, — сказал он себе, — как только разучу песню, еще усерднее примусь за работу». Едва он начал играть, как ветер стих и произошло

что-то странное: с громким треском гора раз-
верзлась, и глазам Аласдэра предстала глубокая,
темная пещера.

Какой юноша устоит перед соблазном заглянуть в
пещеру! Страшно стало Аласдэру, но пещера влек-
ла его с необычайной силой. Эхо повторяло и изменя-
ло звуки его волынки в гулкой глубине, и еще чу-
деснее звучала мелодия. Юноша смело шагнул в
пещеру и дошел до поворота. Вдруг стало совсем
темно. Аласдэр оглянулся и увидел, что гора закры-
лась; солнечный свет исчез. Страх снова охватил
юношу, и он стал поспешно искать выход. Но в
темноте он наткнулся на стены; откуда-то сверху
капала вода. Наконец утомленный Аласдэр присел
отдохнуть. Вскоре он услышал топот маленьких но-
жек. Появился свет, и он увидел перед собой кро-
шечных гномов.

«Долго ты не приходил, Аласдэр Бэн, — пропища-
ли они своими пронзительными голосками, — но мы
рады тебе».

Они повели его в глубь горы, освещая путь фонари-
ками, и вошли в огромный зал. На стенах горели
факелы. На золотом троне сидела дева редкой кра-
соты, а перед ней — стол со всякими яствами. Ни-
когда не видел он девушки прекраснее.

«Входи, Аласдэр Бэн, — приветливо сказала она, —
отведай наших кушаний, а потом сыграешь нам на
своей волынке, а мы станцуем».

Когда пир закончился, Аласдэр начал играть. Гно-
мы скакали вокруг него на своих неутомимых нож-
ках. Факелы стали меркнуть, пальцы у юноши бо-
лели, но он не переставал играть: чары, околдовав-
шие его, не давали ему остановиться.

Тем временем дома хватились Аласдэра. Искали
его и в долинах, и в горах, и на топких болотах, но,
кроме папоротника, который он положил сушить на
склоне горы, над полем своего отца, не осталось от

него никаких следов. Иногда людям чудилось, что ветер доносит звуки его волынки, временами мелодия слышалась словно из-под земли. А матери его часто казалось, что слабая музыка раздается из-под очага. Но Аласдэр не возвращался, и она горько оплакивала пропавшего сына...

Аласдэр не знал, долго ли он играл. Но настало время, когда пальцы его перестали двигаться.

«Рад бы служить тебе, волшебная королева, — сказал он устало, — но больше играть я не в силах». И он упал без сознания возле трона. Свет тотчас погас, гномы и дева исчезли, а когда Аласдэр Бэн поднял голову, он увидел, что снова лежит на склоне горы.

Утром он подошел к своему дому. Вокруг выросли деревья, появился высокий забор, которого не было прежде. Сгорбленная старушка доставала воду из колодца. Она посмотрела на высокого незнакомца и спросила, кто он такой.

«Ваш сын, матушка, — воскликнул он, обнимая ее, — Аласдэр Бэн. Вчера я пошел сушить папоротник и заснул на горе, и приснился мне странный сон. Как хорошо, что я снова дома! Но что случилось с вами, матушка, и почему здесь так все изменилось?»

Старушка с трудом узнала своего сына в бородаutom страннике. Долго ждала она его возвращения, дни складывались в месяцы, месяцы в годы, и так прошло десять лет. Но когда она выслушала удивительную историю о гномах, танцевавших внутри горы под его музыку, она все поняла и заплакала от радости.

Аласдэр дожил до глубокой старости и стал знаменитым музыкантом, но никогда больше не играл он странной песни маленького водяного дрозда, которую слышал во сне.

Серебряная волынка

Выходило так, что не все сыновья знаменитого Маккримона из Данвегана были наделены волшебным даром игры на волынке: у третьего сына, худенького невысокого юноши, к великому огорчению отца, с музыкой не ладилось, сколько он ни старался. Старшие братья играли уже почти так же хорошо, как отец, но стоило только младшему брату взять в руки волынку, и всем начинало казаться, что это медник гремит кастрюлями за забором.

У младшего Маккримона были хорошие руки и чуткие пальцы, и он любил музыку. Но, видно, уделом его было только слушать прекрасные мелодии, которые наигрывали на своих волынках его братья.

Часто младший Маккримон уходил на пустынный вересковый луг и подолгу упражнялся на старой, почерневшей волынке, но уменя у него от этого не прибавлялось. Пальцы его словно деревенели, когда касались волынки, и звуки вылетали робкие и жалкие.

Однажды юный Маккримон дошел до такого отчаяния, что хотел уже забросить свою волынку в глубокое темное озеро, все усыпанное цветущими водяными лилиями, как вдруг из-под темного свода высокой скалы выступила дева. Странными показались юноше ее золотые светящиеся волосы, и склоненная маленькая головка, и ее легкий шаг — она словно летела по воздуху. Ему стало даже чуточку страшно. Да и одета была дева в необычный наряд — зеленый-зеленый, как первые листочки на

рябине, из которых, говорят, делают феи краску для своей одежды.

«Ты что-то играл на этой маленькой черной волынке, — сказала дева. — Сыграй-ка мне эту мелодию еще раз, юноша».

Младший Маккримон стал говорить о своей бесталанности, но она настояла на своем. Когда Маккримон кончил играть, дева улыбнулась.

«Чего бы тебе хотелось больше всего на свете?» — спросила она.

«Играть на волынке так, как играет мой отец», — не задумываясь, ответил юноша.

«Даже если это навлечет на тебя несчастья?» — спросила дева.

«Даже если мне придется пожертвовать ради этого жизнью», — твердо ответил юноша.

«Тогда возьми вот это», — сказала дева и вынула из складок своего зеленого одеяния маленькую серебряную волынку.

Дрожащими руками принял юноша дар. Такая прекрасная волынка ему и во сне не снилась.

«Приложи эту волынку к губам, юноша, а я поучу тебя играть», — с улыбкой сказала странная дева. Маккримон исполнил приказание, а она, обвив руками его плечи, стала касаться пальцами волынки. Раздалась чудесная мелодия — молодой Маккримон никогда еще не слышал такой прекрасной музыки.

«Ровно один год и один день эта серебряная волынка будет принадлежать тебе, — сказала дева, когда урок был окончен. — Когда бы ты ни заиграл на ней, пальцы твои будут так искусны, что ты прославишься на всю Шотландию. Но помни, юноша, лишь только минует один год и один день, ты должен вернуться вместе с серебряной волынкой вот к этой пещере возле горного озера. Здесь я буду тебя ждать».

Маккримон обещал исполнить все в точности и поспешил домой, крепко сжимая в руке подарок феи. Он еще не дошел до родительского дома, как им овладело непреодолимое желание сыграть мелодию, которой его выучила фея. И как же он обрадовался, когда мелодия получилась еще прекраснее, чем на вересковом лугу. Отец и братья Маккримона услышали чудесную музыку и вышли на порог. Они ушам своим не верили: неужели у юноши открылся талант.

«Есть у меня три сына, — воскликнул отец, — но тот, что стоит сейчас передо мной, — величайший музыкант из всех!»

И это была истинная правда, потому что пальцы юного Маккримона искусно и проворно сновали теперь по волынке, извлекая из нее сладость и печаль и неземную радость. А когда пришло время молодому Маккримону играть на большом состязании волынщиков, все решили, что нет ему равных среди людей.

Но вот настал день, когда молодой Маккримон должен был исполнить свое обещание и возвратить фее ее дар. Вместе с отцом и братьями отправился он на вересковый луг. Они шли до тех пор, пока не достигли озера, где цвели лилии и где жила в пещере фея. Ступив в тень большой скалы, младший Маккримон остановил отца и братьев.

«Дальше я пойду один», — сказал он.

«Будем надеяться, сын мой, что, когда ты вернешься, в твоих пальцах сохранится волшебная сила, даже если у тебя уже не будет серебряной волынки» — напутствовал его отец.

И вот юноша скрылся в глубине пещеры, наигрывая странную, печальную мелодию, какой никогда еще не слышали на острове Скай. В этой мелодии слозно собралась печаль всего мира, и в то же время было в ней что-то чарующее и хотелось

слушать и слушать ее без конца. Отец и братья Маккримоны стояли, освещенные солнцем, а волынка удалялась все дальше и дальше под землю, и звук ее становился все слабее и слабее.

«Никогда не вернется Маккримон», — словно пело эхо.

На этом и кончается предание о Маккримоне младшем. Правда, говорят, люди с хорошим слухом до сих пор еще слышат где-то в глубине пещеры Маккримона это эхо, но юный Маккримон так и не вернулся на землю, к солнечному свету.

А если вы не верите, что где-то далеко в заколдованной пещере Маккримон и сейчас играет на своей серебряной волынке, станьте в тень скалы, что возле озерца с лилиями, и прислушайтесь.

Те, кто слышал серебряную волынку Маккримона, говорят по-разному: одни говорят, что это словно море плачет, другим кажется, что музыка похожа на ветерок, убаюкивающий молодые рябины; а еще говорят, что она подобна дыханию весны над озерцом с лилиями. Но на что бы ни была похожа эта музыка, слушать ее приятно.

В о л ш е б н а я к р а с к а

Давным-давно в горах за озером Файи в маленьком белом домике жил пастух, по имени Кол. Пасты овец ему помогали две большие собаки, с которыми он никогда не расставался.

Однажды утром отправился он искать овец, отбившихся от стада, и забрел в долину между горами Айм и Вейн. Высоко в небе пели жаворонки, на болоте кричали чибисы.

Кол все шел и шел, но овец нигде найти не мог. Вскоре солнце начало припекать, и ему захотелось отдохнуть. Кол присел на пригорке, голова его постепенно стала клониться набок, и он было заснул, как вдруг до него донеслись звуки голосов.

Кол посмотрел по сторонам, но вокруг никого не было.

«Должно быть, это ветер шумит в камышах», — подумал пастух и прилег поудобнее. Но едва успел он положить голову на мягкую траву, как ветер снова донес до него отдаленные голоса.

Пастух обернулся — ему было интересно, слышат ли голоса его собаки, но с удивлением увидел, что они исчезли. «Вот странная история! Куда это запропалились мои собаки? А может, я ослышался!» — с удивлением думал пастух. Он встал и продолжал свой путь по склону горы.

Ескоре внизу показалась зеленая ложбина, посреди которой виднелось маленькое озеро. На берегу горел костер, а возле него копошились какие-то фигурки. Он тихонько приблизился и от удивления широко раскрыл глаза: несколько гномов в ярко-зеленой одежде подносили в корзинах торф и бросали

его в костер. Гномы так были заняты своей работой и так громко разговаривали, что не заметили пастуха, наблюдавшего за ними с горы.

Когда костер разгорелся, они достали из зарослей папоротника котелок и поставили его на огонь. Пока в котелке что-то бурлило и кипело, они принялись весело танцевать под звуки волынки, на которой играл один из гномов.

Солнце уже высоко поднялось, а гномы все продолжали танцевать. Наконец гном-музыкант отложил свою волынку, и веселье закончилось. Тотчас же гномы подбежали к кипящему котелку, сняли его с огня и понесли к озеру. Вынув из котелка большой кусок материи, они прополоскали его и положили на берегу сушить.

С удивлением смотрел Кол на материю — никогда он не видел такого ярко-зеленого цвета. Она была ярче, чем первые всходы на полях, и сверкала ослепительнее радуги. Даже первые листки папоротника по сравнению с ней казались блеклыми.

«Разрази меня гром, — воскликнул Кол, — ну и повезло же мне. Ведь я нашел место, где гномы крадут себе материю».

Он наблюдал за гномами, пока они не сложили высохшую материю. Спрятав котелок, гномы убежали и скрылись в горе. Пастух рассердился на себя:

«Какой же я дурак! Не догадался забрать котелок. Будь у меня такая волшебная краска, каким бы я стал богачом!»

Возвращаясь домой, он все время думал о виденном, и чем больше думал, тем сильнее ему хотелось вернуться назад. Наконец он решил пойти к озеру поутру и притаиться в укромном местечке, как хитрый лис. «Когда гномы будут полоскать материю, — думал он, — я унесу котелок».

И вот на следующий день, едва забрезжил рассвет, пастух отправился к волшебному озеру, спрятался и

стал ждать. В полдень ветер донес до него голоса приближающихся гномов. Весело болтая, они пробирались через заросли папоротника. Выйдя к озеру, гномы принялись за работу: одни подносили торф, другие разжигали огонь сухими корнями вереска.

Как и накануне, один из них уселся на пригорке и заиграл на волынке. Веселье началось, и Кол сам чуть не пустился в пляс. Но он хорошо знал, что, если высунет голову или пошевелится, не видать ему котелка.

А гномы все водили хоровод, и Колу казалось, что волынка никогда не замолкнет. Наконец настало время вынимать материю из котелка. Нетерпеливо смотрел пастух, как гномы ташат котелок к воде.

Но тут произошло что-то странное. Ветер внезапно изменил направление. Холодный и порывистый, он подул с озера и понес дым от костра в ту сторону, где спрятался пастух. Кол отчаянно вертел головой во все стороны, но дым ел глаза и щекотал нос. Он громко чихнул, и эхо разнеслось в горах.

Гномы тотчас же закричали тонкими, пронзительными голосками:

«Убегайте, убегайте, человек идет!»

Кол вскочил и стремглав помчался к берегу. Но он опоздал. Гномы увидели пастуха и, оберегая секрет волшебного котелка, быстро потащили его к озеру. Когда Кол подбежал, они уже успели вылить содержимое котелка в воду и исчезли.

«Будь проклят этот ветер! — сказал запыхавшийся пастух, продолжая чихать. — Но все же мне досталась зеленая материя и пустой котелок».

И действительно, материя и котелок лежали там, где их оставили гномы. Но едва пастух нагнулся, чтобы взять материю, она сразу же превратилась в траву, которая завяла от его прикосновения, а коте-

лок распался на мелкие кусочки, которые тут же обратились в пыль.

Но что это произошло с маленьким озером? Его вода больше не была прозрачной, она стала ярко-зеленой и сверкала в лучах солнца!

И поныне Лэг Уэйн — зеленая лсжбина с волшебным озером близ Инвергласам — хранит цвет краски, вылитой гномами.

Шотландский Самсон

Много сильных людей выросло в горах Шотландии. Одним из них был Аласдэр Камерон из Лохабера.

Однажды Камерон по дороге домой нагнал своего соседа. Лошадь соседа свалилась вместе с повозкой в канаву. Камерон тотчас же пришел на помощь другу. Оба уговарили лошадь поднять опро-

кинутую повозку, но животное было так истощено, что снова упало на камни. Тогда Камерон решил вывести лошадь из оглобель. Он распряг ее и отвел в сторону, а сам занял ее место в упряжке, ухватился за оглобли и вытащил повозку на дорогу.

«Все в порядке, Мэрдох, — сказал он, — но я не удивляюсь, что лошадь не могла вытащить повозку, — я сам едва справился».

Б е л ы й м о т ы л е к

РЫБАК Дональд сидел одиноко у своего очага и доканчивал ужин. Отставив миску, он помещал тлеющие угли. Лето было в разгаре, и стояла теплая погода. Лучи заходящего солнца пронизывали зеленый куст шиповника под окном и ложились золотой дорожкой на озеро. Дональд был одинок, и пляшущий огонек очага помогал ему коротать вечер.

Долго сидел он не шевелясь, в полудреме, как вдруг услышал тихое постукивание по оконному стеклу. Подняв голову, он увидел белого мотылька, бившегося о стекло. Мотылек то садился на цветы шиповника, то опускался на узкий карниз окна, то снова начинал биться о стекло, словно хотел проникнуть в дом.

Дональд встал и распахнул окно. Мотылек влетел в комнату и поднялся к потолку. Тем временем рыбак зажег керосиновую лампу. Как только вспыхнул огонь, мотылек закружился над ним и, опалив крылышки, упал на пол. Внезапная вспышка света ослепила молодого рыбака, а когда он пришел в себя, то увидел, что опаленный мотылек исчез, а на его месте стоит девушка, одетая в белое.

«Кто ты?» — спросил он удивленно.

Девушка улыбнулась.

«Я — мотылек, — ответила она. — Если ты возьмешь меня в жены, я никогда не разлюблю тебя и не будешь ты больше одинок ни ночью, ни днем».

Дональд был очарован красотой девушки и взял ее в жены, и зажили они счастливо и безмятежно.

«Смотри только никому не рассказывай, что я при-

летела к тебе белым мотыльком, — говорила ему жена. — И не зажигай в доме никакого огня, кроме очага, Дональд. А пуще всего бойся огня лампы, который превратил меня в женщину. Он притянет меня к себе, и я погибну».

Дональд послушался ее слов. Он никому не сказал о том, как явилась она к нему. Каждый вечер они сидели при свете очага, а лампа так и стояла незажженная у окна.

А по соседству с ними жила вдова с дочкой. И дочка мечтала стать женой рыбака. Узнав, что он женился, стала она часто приходить по вечерам к его домику. Со злостью смотрела она, как счастливая парочка сидит у очага, и завидовала красе молодой жены. Возненавидела она бедную женщину за то, что та отняла у нее рыбака, и все думала, как бы занять ее место.

Однажды вечером подошла она к дому рыбака и увидела, что Дональд хотел зажечь лампу у окна, но жена остановила его, и злая девушка услышала, как она говорила ему, что огонек лампы убьет ее. Побежала дочка вдовы домой и стала ломать голову, что бы это могло значить. Тут-то она и задумала отомстить: она ведь смекнула, что сумеет сделать это, стоит ей только войти в дом рыбака.

На следующий вечер отправилась она к дому соседа. Темнело, а Дональд еще не вернулся с моря. Она тихонько постучала в дверь и, когда молодая хозяйка открыла ей, притворилась больной.

Жена рыбака усадила ее на кухне и пошла принести ей воды. Но едва она вышла, дочка вдовы схватила уголек из очага и зажгла лампу. Потом поставила ее на стол, чтобы свет падал на порог. Как только жена рыбака вошла в комнату, чашка выпала из ее рук. Напрасно прикрывала она глаза от света и отворачивалась—огонек притягивал ее. Медленно приблизилась она к лампе, протянула руки и

коснулась пламени. И сразу огонек померк, а потом и вовсе погас. Дочка вдовы вскрикнула от испуга: жена рыбака повалилась на стол. Тело ее начало сжиматься, пока не стало совсем крошечным, и, наконец, превратилась она в белого мотылька.

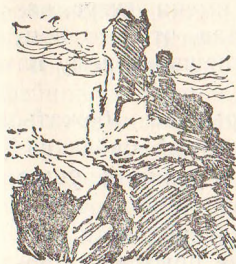
В этот момент рыбак Дональд открыл дверь. Порыв ветра подхватил мотылька, и не успела дверь хлопнуться, как мотылек упорхнул в ночную тьму. Увидев, что жены нет дома, Дональд спросил соседку, где она, и та рассказала, что случилось. Дональд оттолкнул ее, выбежал на улицу и стал звать свою жену.

С тех пор никто не видел Дональда-рыбака. А утром под зеленым кустом шиповника нашли мертвого белого мотылька со сломанными крылышками.

Страх, зависть и любовь являются без спроса.

Д а э р м е й д и в е п р ь

Ни одно собрание народных преданий Горной страны не может обойти сказания о фейнах, племени воинов, которые произошли от богов Их охотничьи угоды тянулись от страны Эрин до суровых Аргайлских гор, и нет числа рассказам об их подвигах.

Вождем этого племени был Фин Маккоул Ласковый как южный ветерок, сладкоречивый и веселый, в бою он превосходил любого своей силой и отвагой. Этот сильней-

ший из людей выбрал себе в невесты прекрасную Грейни, дочь короля Ирландии. Скоро все было готово к свадьбе, и утром перед венчаньем гости собрались на пир.

На пиру Грейни сидела напротив статного и пригожего юноши и не могла оторвать от него взор. То был Даэрмейд, племянник самого Фина. Грейни не знала, что родинка на щеке у него была волшебная: каждая женщина, взглянувшая на нее, тотчас готова была отдать ему сердце. Так случилось и с Грейни.

Не успел окончиться пир, а Грейни уже предложила юноше бежать с ней в лес. Но Даэрмейд не соглашался. Ведь Грейни была помолвлена с Фином, его родным дядей. Все же Грейни продолжала настаивать и наконец убедила Даэрмейда бежать.

Много дней скитались они по глухим лесам, питаясь лишь ягодами и мясом зверей, которых убивал Даэрмейд. Вскоре до них дошел слух, что Фин и его воины пустились за ними в погоню. И вот настал день, когда Даэрмейду и Грейни пришлось укрыться в лесной хижине, так как Фин наконец напал на их след и поклялся убить их обоих. Хижина была обнесена густым частоколом. Фин со всех сторон поставил своих воинов и велел Даэрмейду сдаться. Но у Даэрмейда был приемный отец, по имени Ангус, наделенный волшебною силой. Услыхав, что его приемный сын попал в беду, Ангус поспешил к нему на помощь.

Он убеждал Грейни и Даэрмейда бежать, закутавшись в плащ-невидимку, который он захватил с собой, но Даэрмейд отказался. Грейни же ушла под охраной Ангуса в глухую лесную чащу.

Как только они скрылись, Даэрмейд призвал к себе на помощь ветер и одним могучим прыжком пронесся над головой подстерегавших его фейнов. Он скрылся в лесной чаще, прежде чем Фин смог

собрать своих воинов, и бежал так быстро, что оставил своих преследователей далеко позади. Но погоня продолжалась. К концу дня Фин и его люди были уже так близко, что Даэрмейд слышал их голоса и лязг мечей. На этот раз он укрылся на большой рябине посреди поляны.

Фин, утомленный погоней, бросился на траву под деревом, решив провести здесь ночь. Но было еще светло.

Фин предложил своему сыну Фергюсу сыграть в шахматы. Они стали играть, и вот Фину оставалось сделать всего один ход, чтобы выиграть.

Даэрмейд, скрытый ветвями рябины, следил за игрой, и только он один видел, какой ход нужно сделать Фергюсу. Он сорвал ягоду и бросил ее в одну из фигур. Фергюс тут же понял, как ему нужно ходить, и выиграл.

Тогда Фин предложил сыграть своему второму сыну, Оссиану. Снова были расставлены фигуры. Теперь Фин играл еще хитрее, и, как и в прошлый раз, ему осталось сделать один ход, чтобы выиграть. Но Даэрмейд снова сорвал ягоду и бросил в одну из фигур.

И снова Фин проиграл. Но тут Фин заподозрил неладное, ибо никто, кроме Даэрмейда с его волшебной родинкой, не мог сравниться с ним в шахматном искусстве. Он взглянул вверх на дерево и спросил, не спрятался ли там Даэрмейд. Героям фейнов не разрешалось говорить неправду, и Даэрмейду пришлось откликнуться.

Даэрмейд предстал перед собравшимися вокруг дерева фейнами. Фин хотел тут же убить его, но воины уговорили Фина простить своего родича. Тот нехотя согласился. Тогда Даэрмейд разыскал Грейни и Ангуса, и не успел месяц совершить свой путь по небу, как Грейни и Даэрмейд поженились. Но Фин так и не простил Даэрмейда. Вскоре он уговорил его взять

оружие и отправиться на охоту за вепрем, что жил в горах. Зверь уже много раз ускользал из рук фейнов, и только очень смелый герой мог убить его.

Даэрмейд принял вызов Фина. Вепрь выскочил из своего логова, но, прежде чем он успел всадить в Даэрмейда свои страшные клыки, юноша поразил его в сердце. Фин сделал вид, что очень доволен. Он предложил Даэрмейду измерить шагами длину зверя, распростертого на траве. «Нет, неверно, Даэрмейд! — крикнул он, когда герой измерил зверя и сказал, что длина его от головы до хвоста двадцать футов. — Измерь еще раз!»

Теперь Даэрмейд стал мерить вепря от хвоста к голове, против шетины, и вдруг одна шетинка уколола его в пятку. Даэрмейд громко вскрикнул и упал, пораженный насмерть, — укол пришелся в единственное его уязвимое место. Еще можно было спасти Даэрмейда. Он попросил Фина принести ему в горсти глоток воды. Даже у Фина сердце не ожесточилось настолько, чтобы отказать ему в этом. Фин набрал в ладони воды из ручья и уже опустил на колени, чтобы напоить юношу, как вспомнил о предательстве вероломной Грейни и упорстве Даэрмейда, сделавшего ее своей женой. Вода пролилась на траву, и Даэрмейд, в последний раз взглянув на товарищей, отвернулся и умер.

Гном и черный поросенок

Жил некогда в Аргайле вождь, и был у него сын Брон — гордый и себялюбивый.

А неподалеку в лесу жил старый-старый гном. От времени борода его стала похожа на лишайник, а спина согнулась, как коряга. Шел однажды гном домой с большой вязанкой хвороста на спине. Вдруг из леса на лихом коне выскочил Брон, сын вождя, и сшиб его. Не успел старый гном опомниться, как полетел в канаву, поросшую колючим шиповником, и вся вязанка его рассыпалась.

Увидев, что гном запутался в кустах и лежит, дрыгая короткими ножками, Брон громко рассмеялся, но и не подумал ему помочь. Только было гном поднялся, как Брон пришпорил коня и, подняв облако пыли, поскакал прочь. Пыль застлала гному глаза, и он снова упал в колючие кусты.

С трудом выбрался старый гном из канавы, собрал свой хворост, а последнюю хворостину воткнул в колею на дороге, прикрыл травой, пошептал над ней и пошел восвояси.

На следующее утро, когда Брон, как обычно, скакал по лесу, конь его споткнулся о спрятанную хворостину и Брон кувырком полетел в шиповник, а конь поскакал к дому. Кусты раздвинулись, но вылез оттуда уже не Брон, а маленький черный поросенок, который мигал на солнце подслеповатыми глазами.

«Эй, ты. Поросенок, — услышался голос, и, обернувшись, Брон увидел старого гнома. — Черненький поросенок со смешным пяточком! Вчера ты

был сыном вождя и сбросил меня в канаву, а сегодня сам вылезает оттуда в обличье животного. Отправляйся же странствовать по белу свету и испробуй на себе, как плохо приходится тем, кого обижают. Пусть это послужит тебе уроком!»

«Неужели мне придется всю жизнь трусить на четырех ногах, уткнувшись носом в землю?» — жалобно прохрюкал Брон.

«Ты останешься поросенком до тех пор, пока не поймешь свою вину и не отгадаешь загадку».

«Тогда загадай мне ее поскорее, гном».

«Слушай же:

Палка суковатая по голове ударит,
Гладкий камешек со дна реки,
Лист с верхушки бузины,
Поцелуй красавицы от колдовства избавит».

Проговорив это, гном исчез в лесной чаще.

Черный поросенок медленно побрел по дороге, раздумывая над странной загадкой гнома. Копытца его поднимали пыль, которая разъедала ему глаза. Временами на пути ему встречалась корова, и он испуганно отскакивал в сторону. В другой раз собака почувяла его приближение и с лаем погнала его в глубь леса. Если бы мог он разгадать смысл хотя бы первой строчки загадки, ему стало бы немного легче!

Тут повстречался ему крестьянин. Не успел поросенок убежать, как тот набросил на него аркан и потащил к своему дому. Но поросенок так упирался, что крестьянин не на шутку рассердился.

«Ах, так, храбрый вояка! Может быть, палка заставит тебя идти?» — воскликнул он, поднял суковатую палку с земли и ударил поросенка по голове.

Палка сразу же взлетела вверх, и крестьянин отпустил веревку. Черный поросенок стремглав убежал

в лес. Вот что значила первая часть загадки гнома — про суковатую палку!

Поросенок бежал, не останавливаясь, пока не добрался до широкой реки. Как бы ему достать гладкий камешек со дна? Ведь приблизился бы желанный день, когда он снова станет Броном. Но напрасно совал он свой пяточок в воду, напрасно пытался нырнуть. Каждый раз его выталкивало на поверхность, и камешки на дне реки были все так же недосягаемы.

Много дней поросенок бегал по берегу реки, завидуя рыбам и выдрам, сновавшим в воде. Ему так и не удалось достать дна реки, но все же в знойный день приятно было плескаться в прохладной воде.

Однажды утром, проснувшись, он увидел, что русло реки почти пересохло — только тоненький ручеек струился меж камней. Он быстро подбежал и схватил зубами гладкий камешек. Так исполнилась вторая часть загадки гнома!

Теперь надо было найти бузину. Набрел он на нее только к вечеру. Но куст был такой высокий, что казалось, ветвями он достает до облаков. Напрасно старался поросенок вскарабкаться по стволу — его короткие ножки и толстое туловище не были приспособлены для лазания по деревьям, и каждый раз он срывался и падал на землю.

Но вот первые капли дождя упали на землю, и вскоре хлынул ливень; в потемневшем небе засверкали молнии, загремел гром. Черный поросенок прижался к стволу бузины. Река переполнилась и вышла из берегов. Вода достигла корней бузины и стала подмывать их. Наконец корни обнажились, куст покачнулся и рухнул. Поросенок завизжал от радости и схватил лист с самой макушки! Теперь оставалась последняя, самая трудная задача.

Но чем больше он думал о поцелуе красавицы, кото-

рый ему предстояло заслужить, тем печальнее становился. Глядя на свое уродливое отражение в реке, бедный поросенок понимал, что ни одна девушка не захочет пачкать губы о его пяточок. Впервые в жизни он смирил свою гордыню и заплакал.

Вдруг он услышал, что кто-то плачет так же горько, как он сам. Обернувшись, он увидел слепую старушку, запутавшуюся в зарослях колючего кустарника. Вначале она испугалась хрюканья поросенка, но, когда он потянул ее за подол и повел к дороге, она охотно пошла за ним. Два странных спутника долго брели, пока не показался маленький домик. Залаяла собака.

«Это голос Граффа»,—обрадовалась старушка.

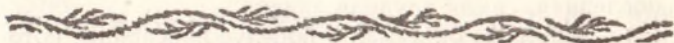
Дверь домика открылась, и навстречу им выбежала молодая девушка—внучка слепой старушки.

«Как я рада, что с тобой ничего не случилось, бабушка, — воскликнула девушка. — Я искала тебя в горах и долинах, и вот ты вернулась с черненьким поросенком!»

«Да, я дома, Мэри. Но если бы не этот черненький поросенок, которого я не вижу, я пропала бы в лесу».

Мэри обняла бабушку, потом схватила поросенка и поцеловала его прямо в уродливый пяточок. Он упал к ее ногам. Поднялся с земли уже не поросенок, а Брон, сын вождя. Чары гнома рассеялись.

Не успел месяц совершить свой путь, как Брон и Мэри, внучка слепой старушки, сыграли свадьбу. Гном, узнав об этом, благословил их. И говорят, что, когда Брон стал вождем после смерти отца, не было вождя, который правил бы более мудро и так заботился о ближних.

Л и с и В о л к

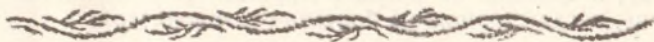

Старый Лис совсем отошал от голода. Однажды бредет он по лесу, а навстречу ему Волк, еще более тощий. Волк знал, что Лис хитер, и решил пойти с ним, чтобы поживиться его добычей.

Лису не очень-то это понравилось. Но тут увидел он Вола, пасущегося на холме.

«Смотри, дружище, — сказал он Волку, — занятная вещь. У Вола на задних ногах написано его имя. Я-то не ученый, никак не могу разобрать. Но ты такой грамотей, не прочтешь ли мне, как его зовут?»

Услышав льстивые речи хитрого Лиса, Волк подошел поближе к Волу, чтобы разглядеть надпись. Но Вол ударил его копытом, и пришел конец глупому Волку. А хитрый Лис, довольный, побежал своей дорогой. И когда он поймал Кролика, ему ни с кем не надо было делиться добычей.

Р ы ж и й Э т и н

В юго-восточной части Шотландии удивительно часто встречаются названия городов и селений, начинающиеся с «Эдин»: Эдиншелл, Эдинслоу, Эдингтон и даже Эднем, не считая самой столицы — Эдинбурга. Названы ли все они в честь какого-нибудь короля-воителя дрезности, например Эдвина, или же, как полагают некоторые, в честь Одина, самого могучего из богов викингов, некогда совершавших набеги на эти берега? Никто не может этого сказать, все догадки в равной мере основательны. Возможно также, что некогда разные названия теперь приобрели одинаковую форму, как это было к югу от границы.

В Ламмермуре и поныне стоят развалины древней крепости, которую в тех местах называют Оплот Эдина или Оплот Этина. Говорят, там некогда жил великан, грабивший окрестные селения. Глубокую лощину, прорезанную Уайтэддером, по сей день именуют Прыжок Великана. Говорят, один великан без труда ее перепрыгнул, хоть и тащил на себе целого вола да по овце в каждой руке! А однажды в башмак к великану попал камешек. Вытащил он его и швырнул в реку. До сих пор лежит в ней этот камешек — глыба весом в две тонны!

В том краю рассказывают старинное предание о великане, по имени Этин.

Жили некогда две вдовы. У одной было два сына, а у другой — один-единственный. Обе жили по соседству, и сыновья их росли в дружбе. И вот настал день, когда старший из братьев сказал матери:

«Матушка, пора мне уйти из родного дома и самому зарабатывать свой хлеб. А на случай, если я проголодаюсь в пути, испеки мне овсяную лепешку».

«Хорошо, сынок, — ответила мать. — Сходи к колодцу и принеси мне воды. Сколько воды ты принесешь, такой и будет лепешка».

Старший сын взял ведро и пошел по воду. А в ведре была дырочка, и, когда он возвращался домой, почти вся вода вытекла. Но мать все же замесила немного овсяной муки и испекла маленькую лепешку.

Когда лепешка была готова, мать спрашивает сына:

«Что тебе дать, сынок, — половину лепешки с моим благословением или всю лепешку без благословения?»

«Не знаю, матушка, скоро ли я найду себе еду в пути, — отвечает сын. — Лепешка мне, пожалуй, вся понадобится, и я рискну обойтись без твоего благословения — авось ничего дурного со мной не случится».

Собираясь в путь, вынул он свой нож, отдал его младшему брату и велел смотреть на него каждый день. Если нож не потемнеет и будет блестеть, значит брат жив-здоров, а поржавеет — значит в беду попал. И, забрав всю лепешку, старший брат пустился в путь.

Три дня он шел. И повстречался ему пастух со стадом овец. Остановился старший брат с ним словом перемолвиться и спрашивает, чьи это овцы. Пастух ему отвечает:

Давным-давно жил-был на свете

В замке Беллиган

Ирландец грозный, рыжий Этин,

Злобный великан.

Дочь короля похитил он

И в цепи заковал

И каждый день бичом плетеным
Жестоко избивал.

Ему нет равных средь людей,
Он сам всем господин
И не боится никого,
Как Юлий Римлянин.

И судный день еще далек,
Назначенный судьбой,
Когда противник, смерть неся,
Придет сюда войной.

Пошел он дальше и видит — другой старик свиней пасет. И с ним он остановился поговорить и спросил, чьи это свиньи. А старик ему в ответ те же слова говорит.

Еще дальше пошел старший брат и повстречал еще одного старика со стадом коз. И, спросив, чьи это козы, опять услышал тот же ответ. Но старик еще и совет ему дал, чтобы он остерегался животных, которые попадутся ему на пути и будут непохожи на тех, что он встречал до сих пор.

Шел, шел старший брат и видит перед собой стадо. И тут взял его страх — такие страшные были звери: о двух головах и о четырех рогах. Не долго думая, бросился он бежать со всех ног. Бежит и видит — замок стоит на холме, а ворота настежь растворены, он и вбежал в них со страха.

Прибегает на кухню, а там старуха сидит перед большим очагом. Попросился он переночевать. Старуха отвечает, что она бы рада, да место здесь опасное: ведь это замок Рыжего Этина, страшного великана о трех головах, который еще ни одного человека живым не отпускал.

А ему боязно обратно идти — страшные звери вокруг замка бродят. И просит он старуху спрятать его,

чтобы Рыжий Этин не увидел, а утром, когда звери уйдут от замка, он отправится в путь.

Только спустился он в подполье, куда старуха его спрятала, как явился сам Рыжий Этин. Остановился посреди кухни и стал принюхиваться да как закричит:

И тут и там
Бьет в ноздри нам
Несносный дух людской.

Жив враг иль нет —
Его скелет
Украсит замок мой.

Великан мигом разыскал старшего брата и вытащил его из подполья. Поставил перед собой и говорит, что пощадит его, если он ответит на три вопроса.

Первый вопрос: где раньше поселились люди, в Шотландии или в Ирландии?

Второй вопрос: создан ли мужчина для женщины или женщина для мужчины?

Третий вопрос: кто был сотворен раньше, люди или животные?

А старший брат не знал. Тут великан ударил его по голове своей палицей, и превратился он в каменный столб.

На другой день взглянул младший брат на нож и увидел, что тот весь поржавел. И понял он, что с его старшим братом случилось какое-то страшное несчастье. Пошел он к матери и говорит, что тоже хочет отправиться в путь. И попросил испечь ему на дорогу овсяную лепешку.

Как и старшему брату, велела ему мать идти к колодцу за водой и сказала, что лепешка будет такая,

сколько он воды принесет. И у него тоже почти вся вода вытекла через дырочку в ведре. А когда мать спросила, что он выберет — всю лепешку без ее благословения или половину с благословением, он тоже выбрал всю лепешку.

По пути ему встречалось то же самое, что и его брату. Проходил он мимо стада овец, мимо стада свиней и стада коз, и пастухи отвечали ему то же про владельца этих стад, и он также бросился бежать что было духу от зверей о двух головах. Рыжий Этин мигом нашел его в своем замке и, ударив его по голове, так как он не мог ответить на три вопроса, превратил в каменный столб рядом с братом.

Рассказала добрая волшебница другой вдове и ее единственному сыну, что приключилось с братьями. Тогда юноша сказал матери, что он отправится вслед за своими друзьями и постарается освободить их. И он тоже попросил мать испечь ему овсяную лепешку на дорогу, но, когда он возвращался домой, ворон каркнул над ним и предупредил, что ведро у него протекает. Юноша был сообразительный и тут же залепил дырочку глиной. Поэтому он принес матери много воды, и она испекла ему большую лепешку.

Когда она спросила, хочет ли он взять с собой всю лепешку, он ответил, что будет рад и маленькому кусочку, лишь бы она не лишала его благословения. Но его доля оказалась гораздо большей, чем были лепешки у двух братьев, и вдобавок еще старая волшебница дала ему чудесную палочку, которая должна была оберегать его от зла. Рассказала она ему и о том, что ждет его в дороге и что ему нужно делать.

И юноша пустился в путь. Когда он встретил пастуха, который пас овец, и спросил, чьи это овцы, он

услышал в ответ ту же присказку, только кончалась она иначе:

Но знаю я, его конец
Уже не за горой,
И скоро будешь ты, мой друг,
Владеть его землей.

Старик, пасший свиней, сказал то же самое, что и старик, который пас стадо коз.

Когда юноша повстречал чудовищ о двух головах и четырех рогах, они бросились на него, но едва он коснулся одного из них своей волшебной палочкой, как чудовище замертво свалилось у его ног.

У ворот замка он постучал, и его пустили. Старуха рассказала ему о Рыжем Этине и о том, что приключилось с его двумя друзьями, но он начуть не испугался.

Вошел Рыжий Этин и тут же закричал:

И тут и гам
Бьет в ноздри нам
Несносный дух людской.

Жив враг иль нет —
Его скелет
Украсит замок мой.

Великан быстро нашел юношу и велел ему стать перед собой. Когда он задал ему три вопроса, юноша сразу ответил на них, как его научила старая волшебница. Тогда Рыжий Этин понял, что сила его пропала, а юноша схватил огромный топор, который лежал тут же, и отсек все три головы великана. Обернувшись к старухе, он попросил ее показать, где заточена дочь короля. Старуха повела его сначала вверх по лестнице, а затем длинным коридором, открывая по пути одну дверь за другой. Из каждой

двери вышла красавица; всех их держал в заточении грозный Этин. Одна из них и была дочь короля.

Старуха показала ему два каменных столба. Юноша коснулся их своей волшебной палочкой, и сразу оба брата ожили.

Большое веселье царило в замке в тот вечер. Но три друга не стали задерживаться там и наутро отправились ко двору короля. Король был так рад, увидев свою дочь, что охотно отдал ее в жены отважному юноше, спасшему ее. Оба брата тоже женились на знатных девушках, и все они зажили счастливо.

Ж е н а б е з я з ы к а

Джон мор. высокий и плечистый фермер из Пертшира женился на прекрасной, стройной девушке, по имени Мэгги. Все говорили, что ему очень повезло, так как Мэгги считалась первой красавицей в округе.

Джон очень гордился своей хорошенькой женой, и лишь одно омрачало его счастье: у Мэгги был низкий голос, гудевший, как колокол, и бывало как примется она говорить, Джону тошно становилось.

Время шло, и голос Мэгги до того стал досаждать ее муженьку, что он не в силах был оставаться дома и

частенько убегал к ручью, чтоб погоревать наедине. Вот однажды вечерком, когда Мэгги сидела у очага и без умолку болтала, Джон схватил шапку и выско-чил из дома. Подойдя к ручью, он остановился и стал смотреть на воду.

«О господи! — воскликнул он печально. — Чего бы я не дал за то, чтобы иметь жену без языка».

«Дай мне силу твоих рук, и я лишу твою жену язы-ка», — услышал он чей-то голос и, обернувшись, увидел гнома.

«Ну что ж, согласен», — сказал Джон гному, кото-рый тщетно старался сдвинуть огромный камень с берега в ручей.

«Тогда столкни этот камень в воду, — проговорил гном, тяжело дыша, — а то мой домик затопило». Джон с силой толкнул камень, и он с громким всплеском упал в ручей. Течение изменилось, и вода ушла из старого русла.

«А теперь ступай домой, Джон Мор, — сказал гном. — С этой минуты твоя жена будет нема как рыба».

Вернувшись домой, Джон застал жену в ярости. Она лишилась языка и не могла произнести ни слова. Весь вечер бедная Мэгги проплакала, а Джон толь-ко и делал, что смеялся от радости, пока наконец не уснул.

Прошел год, и Мэгги начала толстеть. С каждым днем она становилась все круглее, что твой ком масла. Настало время, когда она уж и хозяйством заниматься не могла. И в кухне стало так тесно, что Джону снова пришлось уходить из дома.

Однажды в лунную ночь решил он поискать гнома. Велика была его радость, когда он увидел гнома на зеленом берегу ручья.

«Теперь у меня жена без языка, — сказал он, — но она так растолстела, что я едва могу повернуться в кухне. Очаг полон золы, во всех углах грязь. Да и

есть мне нечего: моя толстуха жена даже стряпать перестала».

«Жаль мне тебя, Джон Мор, но ведь ты сам этого захотел, — ответил гном. — На этот раз я ничем не могу тебе помочь».

Джон долго уговаривал и умолял гнома, но тот все твердил, что ничего не может поделывать.

«Ах, так! — закричал в гнев Джон. — Тогда пусть ручей снова затопит твой дом».

С этими словами он прыгнул в воду, схватил камень и вытащил его на берег. Ручей сразу побежал по старому руслу.

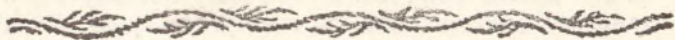
Гном даже подпрыгнул от злости.

«Тогда пусть болтливость ручья войдет к тебе в дом, Джон Мор! — завизжал он. — А за то, что ты затопил мой домик, жить вам с женой много-много лет!»

Джон посмеялся над словами гнома, но, придя домой, сразу понял, что натворил. Мэгги стояла на пороге, загородив проход своим толстым телом. К ней снова вернулся дар речи, но голос ее уже не напоминал гудение колокола, а стал звонким, как ручей, бегущий по камням.

И с тех пор Мэгги день-деньской все пилила и бранила своего мужа так же неумолчно, как звенел ручей, затопивший домик гнома. И по совести сказать, досталось Джону по заслугам.

*Урезонить сварливую жену — все равно,
что ковать остывшее железо.*

Маленькая овсяная лепешка

Жила некогда в графстве Селкерк одна женщина, и была она великая мастерица печь бэнноки. Вы, наверное, знаете, что так в Шотландии называют толстые, круглые овсяные лепешки. На юге Шотландии их пекут на большой сковороде, так что умещается сразу несколько штук.

Однажды муж вернулся домой очень голодный, а до ужина оставалось еще много времени.

«Жена, — крикнул он, — лепешки пригорают! Я их переверну».

«Нет, — быстро ответила она, — я сама переверну».

«Нет, я», — сказал муж.

«Нет, я», — возразила жена.

Пока они спорили да пререкались, одна лепешка спрыгнула со сковороды и покатилась прочь. Она так быстро выскользнула за порог, что они не успели схватить ее.

Покатилась лепешка по дороге. Катилась, катилась, а навстречу ей овца. Захотелось овце полакомиться лепешкой, как вдруг маленькая лепешка запела:

Я хозяйшку обманула,
И хозяина обманула,
А теперь, овца, и тебя обману.

Овца заслушалась песенки, а лепешка быстро покати́лась прочь. Катилась, катилась — встретила козу. Понюхала воздух коза, почуяла вкусный запах, и захотелось ей отведать лепешки. Но маленькая лепешка опять запела:

Я хозяйюшку обманула,
И хозяина обманула,
И овцу обманула,
А теперь, коза, и тебя обману.

Коза тоже заслушалась песенки, и лепешка покати-
лась дальше.

Катится она по дороге, вдруг видит лису. Лепешка
поскорее запела свою песенку:

Я хозяйюшку обманула,
И хозяина обманула,
И овцу обманула,
И козу обманула,
А теперь, лиса, и тебя обману.

Но тут лиса говорит маленькой лепешке:

«Залезай ко мне на спину, я тебя понесу».

«Нет, лиса, — отвечает лепешка, — уж лучше я
сама покачусь».

«Залезай, лепешка, — повторяет лиса, — залезай, не
бойся, я перенесу тебя через ручей».

Лепешка взяла да и прыгнула лисе на спину.

А лиса повернула голову и отщипнула кусочек ле-
пешки.

«Ой! — вскрикнула лепешка. — Зачем ты щиплешь-
ся? Мне больно!»

Но лиса притворилась, будто у нее спина чешется.

«Что ты, — ответила она. — Я только почеса-
лась». — И снова откусила кусочек.

«Ты щиплешься, лиса, щиплешься!» — опять вскрик-
нула лепешка.

Но лиса не слушала ее. Она откусывала да откусы-
вала от лепешки, пока не остался совсем крохотный
кусочек, который упал в ручей, и его унесло тече-
нием. Так пришел конец маленькой лепешке.

Хорошую сказку не грех рассказать дважды.

Легенда о Малиновке и Крапивнице

Много лет назад, когда мир был еще совсем молодым, жили на земле два великана — два смертельных врага.

Жестокий и безобразный Гимрадх жил в пещере, выдолбленной в ледяной горе. Там спал он полгода без просыпу, и от его храпа содрогалась земля.

А тем временем приходил из своего южного солнечного королевства прекрасный и добрый Сэмрадх. С его приходом просыпалась и оживала земля. Солнце улыбалось стадам, пасущимся на полях. Леса зеленели новой листвой и наполнялись пением птиц. Радостно встречали Сэмрадха дикие звери, и где бы ни ступила его нога, всюду распускались цветы, источая нежный аромат.

Но каждый год наступал день, когда возвращался Гимрадх. Первой о его приходе возвещала хмурая черная туча. Холодный ветер дул все сильнее и сильнее, и наконец над вершиной горы показывалась безобразная голова великана. Путь свой он усыпал снегом, а ледяным своим дыханием срывал с деревьев все листья до последнего и замораживал землю.

Тяжело было Сэмрадху видеть, как дрожит от холода земля и как улетают на юг птицы. Но он любил мир и покой и не хотел нападать на своего врага. Ведь недолго тот будет править землей, придет время, и снова засияет солнышко.

Но как-то раз заснул добрый Сэмрадх под деревом, а в это время выполз из своей пещеры Гимрадх. Увидел он, что застал своего врага врасплох,

выдрал из земли огромную скалу и, верно, убил бы спящего великана, если бы не поднял тревогу черный дрозд на дереве. Сэмрадх отпрыгнул в сторону, и громадная скала упала далеко за горы. Так она и лежит с тех пор в Атлантическом океане, одиноким островом Св. Килда.

Вот тогда-то и сошлись Гимрадх и Сэмрадх в жестокой схватке. Страшно ударил нежного Сэмрадха отдохнувший за долгую спячку и набравшийся сил Гимрадх. Повалил снег, и завывала над землей буря. Но не успевал снег упасть на землю, как Сэмрадх растоплял его, и реки вздулись и разлились по земле.

Тогда коварный Гимрадх дохнул на воду, и множество птиц замертво упало на берега, а в полях погибли стада. Даже море замерзло по краям. Споткнулся Сэмрадх и упал, а Гимрадх нанес ему последний жестокий удар. Так кончилась борьба, которая длилась много дней.

Когда Гимрадх ушел, две маленькие птички, разыскивая себе еду, наткнулись на раненого великана, лежащего в снегу. Одна птичка была малиновка, а другая крапивница.

«Погляди-ка, Малиновка, — печально прошептала Крапивница, — умер великий Сэмрадх!»

«Он умирает, Дженни Крапивница, — ответила Малиновка, — но он еще не умер».

«Тогда мы должны спасти его! Я буду согревать его сердце, а ты лети скорее и поищи огня. Только жаркий огонь может вернуть ему жизнь».

Сказав это, Дженни Крапивница распушила крыльшки и распростерла их на груди великана. А Малиновка полетела на поиски огня, потому что только огонь мог спасти великана Сэмрадха. Долго летала Малиновка по замкшим лесам, пока наконец не устала и не проголодалась. Но вот долетела она до одинокого домика на опушке леса. В домике

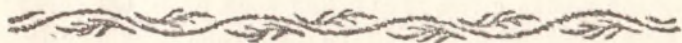
было только одно окошко, и сквозь это окошко Малиновка увидела огонь в очаге.

Отыскала Малиновка щелку в тростниковой крыше, протиснулась в эту щелочку, подлетела к очагу и схватила в клюв маленький красный уголек. Затем она вернулась туда, где лежал раненый Сэмрадх. Уголек зажег веточку дрока, и когда она разгорелась, Малиновка натаскала много-много веток и разложила возле Сэмрадха большой костер.

Тепло стало от костра, и Сэмрадх зашевелился. Дженни Крапивница помогла Малиновке еще ярче разжечь огонь, и скоро запылало яркое пламя. И вот наконец Сэмрадх поднял голову, потом встал, благословил маленьких птичек и отправился на юг, в свои владения, потому что только солнце могло залечить его раны.

Но как только он скрылся из виду, забралась Малиновка под густые кусты и спрятала головку под крылышко. Все перышки у нее на груди обгорели, и она не могла больше летать. Дженни Крапивница все глаза выплакала — так жаль ей было свою подружку! Но Малиновка не умерла. А когда она выбралась из своего убежища под кустами, у нее уже отросли новые перышки. Только в том месте, где их сжег уголек, они стали красные-красные, как пламя.

И по сей день, когда молодая малиновка в первый раз вылетает из гнезда, грудка у нее бывает коричневая в крапинку, но те перышки, которые когда-то сгорели от уголька, всегда становятся ярко-красными с наступлением зимы.

Барон-разбойник и мыши

Говорят, что зеленый холм около города Инвернесс весь испещрен бесчисленными мышинными норками. Давным-давно на холме стояла неприступная крепость, в которой жил барон-разбойник со своей шайкой. Этот разбойник был таким жестоким и свирепым, что лишь самые храбрые отваживались приблизиться к крепости. Барон держал в страхе не только всю округу; он совершал набеги на далекие земли, угонял скот у добрых людей, опустошал их кошельки и сжигал их дома.

Может показаться странным, что в стране, где так сильны были кланы, терпели его власть. Но барон сделал свою крепость неприступной. Стены ее были толщиной трижды три фута, а вместо окон он пробил под самой крышей три бойницы, такие узкие, что в них едва мог протиснуться воробей. Единственная дверь — настолько низкая, что даже самый маленький человек должен был пригнуться, чтобы войти, — сколочена была из дубовых тесин, которые могли выдержать натиск любого тара́на.

Наконец наступило время, когда терпение людей иссякло, и они решили избавиться от грабителя. Да вот беда — барон проведал об этом и успел укрыться в крепости и запереть дверь.

Семь дней подряд целая армия штурмовала массивные стены и таранила дверь стволами деревьев, вырубленных в лесу. Но разбойник только смеялся над напрасными усилиями воинов. Тогда один молодой вождь с гор предложил свой план. Он велел всем старухам прясть с утра до вечера, пока не изго-

говят они столько ярдов нитей, сколько гор в Шотландии. Воинов из своего клана он послал ставить мышеловки, чтобы поймать всех мышей, каких только удастся найти в закромах, и принести их к нему живыми. Когда все было исполнено, он под покровом темноты подполз к замку барона, взяв с собой мышей, к каждой из них привязал нить, смазанную салом, и выпустил их у двери.

Мышки быстро шмыгнули в щель между тесинами, и каждая дюжина тянула за собой дюжину нитей. Очень скоро нити спутались и переплелись так, что образовалась сеть, а когда мыши побежали по коридорам крепости, они потянули ее за собой, и она скрутилась в толстую веревку. Молодой вождь снаружи поджег концы нитей. Огонь пополз по ним сквозь щель в двери, и когда достиг толстой веревки, вспыхнуло яркое пламя. Вот загорелся стул, затем стол, вскоре огонь перекинулся на балки.

Разбойники проснулись и увидели, что их провели. Теперь им оставалось либо сдаться армии, ожидавшей перед крепостью, либо сгореть живьем. Разбойники попытались прорваться, но после короткой схватки были разбиты, обезоружены и брошены в тюрьму.

В истории, дошедшей до нас, не говорится, как их наказали. Известно лишь, что молодой вождь много раз водил свою армию на врага и побеждал. Но и по сей день, когда вспоминают о нем, всегда рассказывают, как он с помощью армии маленьких мышек победил жестокого разбойника.

*Чтобы убить собаку, не обязательно
перекормить ее маслом*

Заколдованная маслобойка

Лахи исполнилось девять лет. Хотя и невелик ростом был он, да зато крепкий и гибкий, как ива. А уж бегал Лахи быстрее всех мальчишек в долине, даже быстрее своего сводного брата, высокого и грубого Данкена, который был старше Лахи на целый год. Не по душе это было Данкену, который не упускал случая подразнить Лахи.

Данкен пас скот на горном пастбище, а маленький Лахи оставался работать на ферме. И завидно было Лахи, что Данкен целое лето проводит в горах и всех дел у него — смотреть, как бы стадо не разбредлось.

Как-то Лахи, доставая воду из колодца, услышал жалобный плач. Обернувшись, он увидел по ту сторону рва маленького человечка, заваленного плитками торфа, свалившимися с высокого штабеля. Перевравшись через ров, Лахи раскидал торф и помог человечку подняться. Тут ему стало немного не по себе, потому что, увидев зеленую одежду, остроколючий колпачок и башмачки маленького человечка, он догадался, что это один из гномов, живущих в горах. Лахи готов был пуститься наутек, но гном схватил его за рукав:

«Скажи мне, Лахи, — спросил он, — для чего ты сидишь здесь, на ферме, в то время как Данкен проводит все дни на горном пастбище?»

«Сегодня мне надо натаскать воды, — ответил Лахи, — вымыть подошники и помочь сбить масло».

«Я тоже умею сбивать масло, — сказал зеленый человечек, — да еще такое вкусное, какого ты никогда

не ел. Покажи мне твою маслобойку, и я научу тебя, как это делать».

Лахи повел гнома на кухню и показал ему маслобойку. Она была большая и очень тяжелая, и Лахи был уверен, что гном не сможет даже ручку повернуть. Но маленький человечек не притронулся к маслобойке. Он сел на скамеечку и запел странную песенку, которую Лахи никогда раньше не слышал.

Гном пел, ритмично покачиваясь в такт песне. И вот кувшин со сливками начал сползать с полки, медленно наклонился, и сливки полились прямо в маслобойку — ни одна капля не пролилась мимо.

Тут и маслобойка начала покачиваться в такт песенке, сначала медленно, затем все быстрее и быстрее, словно весело приплясывая, а тем временем сливки сбивались, и не успел Лахи оглянуться, как масло было готово. Гном спрыгнул со скамеечки, поклонился заколдованной маслобойке и быстро назвав имена Пяти Сестер — так зовутся горы в Кинтейле — по порядку с востока на запад, проговорил:

Маслобойка, стой-ка, стой-ка,
Не крутись, остановись!

Лахи смотрел и не верил своим глазам. Гном достал масло и протянул несколько маленьких кусочков Лахи для пробы. И правда, никогда мальчик не едал такого вкусного масла. Он повернулся, чтобы поблагодарить гнома, но тот исчез. В это время вошли родители Лахи. Увидев янтарное масло, они удивились, а когда попробовали его, то не могли нахвалиться ловкостью сына.

С этого дня масло сбивал только Лахи.

Вскоре о чудесном масле проведали и соседи. Все в один голос говорили, что лучше масла не найти, и со всех сторон стали приходить люди, чтобы купить

его. Родители Лахи так разбогатели, что не знали даже, куда деньги девать.

Но Лахи никому ни слова не сказал о гноме и о секрете маслобойки.

Братец Данкен, как вы сами можете догадаться, с каждым днем все больше завидовал Лахи, но как только он начинал его расспрашивать, тот убегал. Куда уж было неповоротливому Данкену догнать его!

Наконец Данкен решил сам узнать секрет Лахи. Поднявшись чуть свет, он прокрался на кухню и спрятался за деревянным ящиком. Когда пришел Лахи, Данкен стал внимательно смотреть, что тот делает. А Лахи, усевшись на скамеечку перед маслобойкой, запел песенку гнома. И сразу же сливки из кувшина вылились в маслобойку; она весело закачалась в такт песенке, и через несколько минут масло было готово. Лахи поклонился маслобойке, как это сделал гном, и, назвав имена Пяти Сестер Кинтейла с востока на запад, проговорил:

Маслобойка, стой-ка, стой-ка,

Не крутись, остановись!

Видя, как Лахи раскладывает янтарные куски масла на полке, Данкен ухмыльнулся: «Ого, теперь я знаю секрет маслобойки. Я тоже буду сбивать масло, и оно будет еще повкуснее, чем у Лахи».

Спустя несколько дней, когда в кувшинах накопилось достаточно сливок, Данкен встал раньше всех, пробрался на кухню, сел на скамеечку перед маслобойкой и запел песенку, которую услышал от Лахи. Сразу же кувшины послушно вылили сливки в маслобойку, она весело закачалась и начала сбивать масло. Данкен от радости захлопал в ладоши. Вот уже и масло готово. Попробовав его, Данкен убедился, что оно такое же вкусное, как и у Лахи. Но

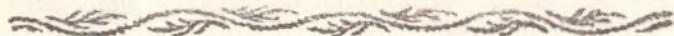
жадность одолела его. Он все пел и пел, пока масло не полезло через край. «Я столько собью масла, — говорил он себе, — что смогу продавать его по всему Кинтейлу, и тогда я стану самым богатым человеком в Шотландии».

Глупый Данкен наполнил янтарным маслом все кувшины и корыта, оно уже вываливалось из маслобойки на пол, и он сгребал его прямо в кучу. Наконец Данкен решил, что масла достаточно, и попытался остановить маслобойку. Он поклонился ей, как это делал Лахи, и назвал Пять Сестер, но — увы! — порядок имен он забыл.

Маслобойка продолжала вертеться, масло вываливалось не переставая. Оно дошло ему до колен, потом до пояса, наконец Данкен не мог уже пошевелиться. Вот оно достигло подбородка, и Данкен испугался, что его жадность будет стоить ему жизни. «Остановись, остановись!» — в испуге кричал он. От его воплей проснулись Лахи и его родители. Они бросились на кухню и увидели, что она полна масла, из которого торчит одна голова Данкена, а маслобойка все продолжает весело вертеться. Тогда Лахи поклонился маслобойке, быстро прошептал волшебные слова, и она тотчас остановилась.

Только к полудню родителям с большим трудом удалось вытащить Данкена. И лишь к заходу солнца они смогли очистить кухню от масла. Родители больно отстегали Данкена за его проделки. Но с тех пор песенка гнома утратила волшебную силу. Никогда больше маслобойка не будет весело приплясывать, сбивая масло.

Грустно было Лахи, но зато с того дня родители заставляли сбивать масло Данкена, а Лахи все лето пас скот на горном пастбище.

С е р ы й г у с ь

Тихокрылая сова, что оглашает сумерки тревожным криком, всегда была вестницей горя. Подобно черному ворону и серой вороне, она сулит беду и несчастье. Королек же и подружка его малиновка всем милы, и много про них слагается песен и сказок. Но еще больше преданий и удивительных историй рассказывают о лебедь и диком гусе, которые по ночам устремляются к месяцу, и с темного неба льется их волнующая песня, тревожа воображение людей.

Однажды, рассказывают старики, некий король поссорился со злой ведьмой, старой каргой, в котелке у которой бурлило колдовское зелье. Эта злющая ведьма задумала отомстить королю и подстерегла его дочь, когда она гуляла по берегу Лох-Сунарта. Ведьма заколдовала ее и превратила в серого гуся, и тот, расправив крылья, полетел на север, в страну льда и снега.

Никто, кроме ведьмы, не знал, что приключилось с принцессой. Много месяцев искали ее в далеких и ближних землях, но найти не могли и перестали искать.

Все думали, что ее растерзали волки или увлекли злые духи. Но у принцессы был жених, прекрасный принц, и он не переставал искать ее по горам и лесам. Целый год он странствовал в далеких и ближних землях, ловил птицу небесную, зверя лесного и рыбу речную. Был он славный охотник и не имел равных в стрельбе из лука. И как-то поздним вечером подстрелил он серого гуся, летевшего последним в стае.

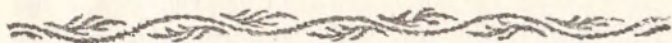
Смертельно раненная птица упала совсем близко, и принц бросился за своей добычей. Он подбежал к ней в тот миг, когда она испустила дух. И тотчас же свершилось чудо — пред ним лежал хладный труп его любимой принцессы. В отчаянии принц вынул стрелу из ее сердца, сломал на три части и растоптал.

Нежно накрыл он свою любимую пледом и печально склонился над ней.

А гусиная стая кружила над ними, призывая подругу. Но принц уже ничего не слышал. Когда он печально склонился над принцессой, жизнь отлетела от него и вселилась в принцессу. Она открыла глаза, словно пробудившись от долгого сна, но тут же вновь обернулась птицей и расправила крылья, слыша призывные крики гусиной стаи.

Из сломанной стрелы выросли первые деревья могучего Каледонского леса.

Плед, накрывавший принцессу, стал лужайкой, которая и по сей день зеленеет на берегах Спя. А когда звезды звенят от зимней стужи, в долинах Грампианских гор слышен одинокий крик серого гуся.

Д е в я - т ю л е н ь

На Гебридских островах и особенно на островах Оркнейских и Шетлендских рассказывают странные истории о тюленях. Много лет тому назад жители островов до смерти боялись этих мирных морских животных. В те времена никто не решился бы убить тюленя, так как, по преданию, в их обличье на землю возвращаются утонувшие моряки. И уж, конечно, не трудно было в это поверить тому, кто слышал печальные, словно человечесьи, голоса этих существ, когда они выходят из воды, чтобы отдохнуть на уединенных скалах, или резвятся на волнах.

В одной легенде рассказывается о молодом рыбаке с острова Помона — так в старину называли главный из Оркнейских островов. Однажды он отправился с товарищами на рыбную ловлю. Стояла летняя пора, когда с заходом солнца не темнеет северное небо. Дул попутный ветер, предвещавший хорошую погоду, лодки были готовы, и рыбаки весело вышли в море.

Но не успели они далеко отплыть, как ветер изменился, небо затянулось тучами, и перед самым заходом солнца на море опустился сплошной серый туман. Рыбаки старались не сбиться с курса и держаться вместе, но лодки исчезали в тумане одна за другой.

Молодой рыбак остался один и с каждой минутой все больше страшился предательских рифов и подводных скал. Но вот туман стал рассеиваться, и невдалеке показались очертания мыса. Приблизив-

шись, он увидел пустынный берег, показавшийся ему негостеприимным. Но рыбак был рад ступить на твердую землю и все думал о том, не высадились ли здесь и его товарищи.

Привязав лодку, чтобы ее не унесло отливом, он отправился в глубь мыса на поиски жилья, где можно было бы укрыться и отдохнуть. Пройдя немного, рыбак услышал голоса и звуки музыки. С радостью подумал он, что сейчас увидит своих товарищей, но тут заметил, что на каждой скале лежат еще мокрые от морской воды шкуры тюленей. Это показалось ему странным, но когда он взобрался на самую высокую скалу, глазам его открылось еще более странное зрелище.

Вместо рыбаков он увидел множество незнакомцев, которые веселились и танцевали на берегу. Только тогда он вспомнил, что сегодня канун праздника святого Иоанна, когда тюлени выходят на берег, сбрасывают с себя шкуры и, снова приняв обличье людей, веселятся в тихий предвечерний час.

Молодой рыбак спрятался, чтоб посмотреть на них и послушать музыку, похожую на всхлипы и вой ветра на море.

Одна за другой на небе появились звезды. Танцующих окутала дымка тумана, но легкий бриз рассеял его.

В разгар танца с моря донесся еле слышный звон колокола церкви святого Магнуса. То пробил полночный час, когда жителям моря пора прекратить веселье, найти свои шкуры и вновь на целый год вернуться в море.

Недалеко от того места, где спрятался рыбак, лежала маленькая рыжевато-коричневая шкурка и венчик из разноцветных морских водорослей. Он видел — как только люди на берегу надевали шкуры, они тотчас превращались в тюленей. «Сейчас, должно быть,

придет и владелец этой шкуры, — подумал рыбак. — Интересно, каков он!»

Схватив шкуру, он едва успел спрятаться, как увидел девушку, идущую по песку. Ее волосы были такого же рыжевато-коричневого цвета, как спрятанная им шкура, а красотой и плавностью движений она напоминала маленьких морских чаек, ютящихся на выступах скал. Девушка надела веночек на голову и принялась искать шкуру.

Когда она наконец поняла, что шкура исчезла и она не сможет уплыть с другими тюленями в море, она горько-горько зарыдала. Ее плач звучал так же печально, как голоса тюленей, когда они выходят на берег покормить детенышей. Пожалел рыбак деву-тюленя, но она так очаровала его, что он не решался отдать ей шкуру, боясь навсегда потерять ее.

Надежно спрятав тюленью шкуру, он подошел к девушке, чтобы утешить ее. Сначала она в испуге отпрянула, но, поняв, что он не желает ей зла, и зная, что без волшебной шкуры она беспомощна, девушка пошла за ним к лодке.

Целый день и всю ночь плыли они в маленькой лодке, пока не достигли Помоны. Его товарищи уже вернулись с рыбной ловли и, окружив лодку, стали расспрашивать, что с ним произошло. И рыбак поведал обо всем, что видел на берегу странного острова. Но о девушке, укутанной в старый парус, он рассказывать не стал, сказал только, что привез невесту.

Несколько лет рыбак и дева-тюлень жили счастливо в скромном домике на берегу моря. Рыбак ловил рыбу или работал на своем маленьком поле, а жена хлопотала по дому. И вот у них родился ребенок, и счастьем рыбака не было границ. Но каждый год, когда приближался канун праздника святого Иоанна, рыбак замечал перемену в своей жене. Закон-

чив свои дела и уложив ребенка спать, она бежала к морю и, стоя на берегу, прислушивалась к шуму и плеску волн. Часто сидела она на скале до наступления темноты, пока муж не приходил за ней. А однажды, когда тюлени вышли на берег порезвиться, муж застал ее в слезах.

В такие дни после ухода мужа она тотчас принималась повсюду искать свою исчезнувшую шкуру. Но рыбак запрягал ее в самый темный угол чердака под старые сети.

Как-то, придя домой, рыбак увидел, что ребенок плачет в люльке и огонь в очаге погас. Напрасно искал он свою жену на берегу моря, где она частенько собирала водоросли, и за горой, что высилась позади болота. Тут он вспомнил, что уже середина лета — канун праздника святого Иоанна.

Стремглав пустился он домой, кинулся на чердак, разбросал старые сети. Маленькой рыжевато-коричневой шкуры на месте не было. Он бросился к заливу, где иногда отдыхали тюлени. Еще по пути услышал он печальные голоса тюленей, и словно камень лег ему на сердце.

У самого берега залива, где прибой разбивался о скалы, он увидел свою жену. Она сидела, держа в руках шкуру, а у ее ног лежали серые тюлени.

Он бежал к ней, умоляя вспомнить о ребенке, брошенном в люльке, но голос его относил ветром. Увидев, что она поднялась и надевает рыжеватую шкуру, он понял, что потерял ее навсегда. Тюлени уже кинулись в море и звали ее с собой. Вот и она с венком водорослей на голове соскользнула с берега и исчезла в синих волнах.

Ч у д е с н ы й с а п о ж н и к

Юэн грант трудился больше всех других землепашцев на землях Аллигина у Лох-Торридо-на. Да и как же иначе, ведь почва здесь была скудная и ка-менистая и канавы никогда не просыхали, потому что дожди по эту сторону гор всегда шли обильные и снега было много. Но сколько он ни трудился, вместо

одного сорняка вскоре выросло два. Юэн выби-вался из сил, чтобы как-нибудь прокормиться.

Так и жил скромный работяга Юэн в бедности. Но вот однажды прилег он отдохнуть на зеленый хол-мик и стал жаловаться на свою судьбу. Ох, уж эти холмики и кочки в Горной стране! Мало какие из них не заколдованы гномами, которые водят хоро-воды. Холмик, на котором лежал Юэн, порос мяг-кой зеленой травкой, ветерок ласково касался его щек, будто мышка бархатным ушком, и на солнце было тепло, словно под крылом у дрозда. Но и тут не нашел он покоя. Только закрыл глаза, как послышалось: тук-тук-тук.

Сначала он подумал, что это каменка долбит ка-мешки в зарослях дрока. Но в этих тихих горных местах никаких птиц не водилось. Юэн прислушал-ся. Стук раздавался у самого уха. Он заглянул в крохотную норку, не больше кроличьей, и увидел малюсенького гномика за работой — он чинил баш-маки. Юэн с любопытством смотрел на него. Ма-ленький сапожник зевнул.

«Старость не радость, — пожаловался он. — Ох и устал же я. Сижу тут день-леньской и все латаю. чиню да тачаю чужие башмаки. А будь я попровор-

нее, забрался бы вон туда, на самую вершину Бен Аллигина, разыскал бы клад, набрал золота вдоволь и жил бы себе припеваючи. Да куда мне, спина у меня сгорбленная, как старый сук, а ноги короче кротовых. Мне и на кровать-то мою взбираться по вечерам все равно, что на гору».

Юэну и самому было не легче, чем гному, и он слушал, не проронив ни слова. Он наклонился к самой норке и тихонько сказал:

«Добрый день, маленький сапожник. Ты словно обо мне говоришь. И я тоже устал от тяжелой работы, но ноги еще носят меня. Коли и вправду на вершине Бен-Аллигина клад спрятан, то, может, я смогу разыскать его для тебя».

«Ну-ка повтори, что ты сказал, добрый человек!» — воскликнул старый гном, пристально посмотрев на Юэна, и тот повторил свои слова.

«Прекрасно, — сказал гном. — А теперь слушай. На вершине горы лежат рядом серый и черный камень, а между ними белый с твою голову, но в семь раз тяжелее. Возьмись рукой за белый камень и откати его в сторону. Под ним ты увидишь горшок, до краев полный золотых монет».

«Если я найду его, — ответил Юэн, — то взвалю себе на плечо и притащу сюда еще до захода солнца, и мы разделим клад между собой».

«Нет, нет, не делай этого, — воскликнул маленький сапожник и погрозил ему крошечным пальцем. — Ты возьмешь из горшка лишь столько, сколько поместится в твой спорран*, и за каждую золотую монету, что ты возьмешь, я возьму три». Юэн с радостью согласился. На том они и порешили. Забыв усталость, Юэн отправился в горы и взобрался на вершину. Там он долго искал и нако-

---

* Спорран — кожаная сумка с мехом — часть костюма шотландского горца. — *Прим. перев.*

нец нашел серый камень и черный и между ними белый поменьше. Откатил он белый камень в сторону и увидел под ним горшок, до краев полный блестящих золотых монет. Трудно ему было удержаться, чтобы не наполнить ими не только свой спорран, но и черную шапочку, однако он сделал все так, как сказал ему маленький сапожник, и стал спускаться с горы к Лох-Торридону.

Солнце уже садилось, и гном ждал его. Уселись они рядышком и стали делить золото. Одну монету брал Юэн, три забирал гном. Но как же удивился Юэн, когда поделили они золото: кучки были совсем одинаковые!

«Скажи мне спасибо за то, что я рассказал тебе про клад! — воскликнул гном. — Хи-ри-хо-ро! Спасибо и твоим длинным ногам. А теперь мы унесем золото домой!» — И с прыжками и ужимками чудесный сапожник исчез в своей норке.

Ну а Юэн купил себе коров, овец, кур-несушек да свинью на откорм, два стула да стол, полотно для простынь на новую мягкую кровать и еще много всякого добра — всего и не упомнишь. И вскоре весть о его богатстве разнеслась по всей округе. «Скажи, откуда у тебя такое богатство?» — допытывался его сосед Финлей.

Юэн сдуру взял да и рассказал ему про маленького сапожника и про горшок с золотом на вершине Бен-Аллигина. Много было алчных людей близ Лох-Торридона, но самым алчным был Финлей. Тут же отправился он в горы. Взобравшись на вершину, стал он торопливо искать клад и ворочать камни, пока не нашел белый камень, под которым был горшок.

«Ага! — закричал он, запустив руки в блестящие золотые монеты. — Юэн Грант богатый человек, а тут осталось еще столько золота, что я буду в десять, нет, в двадцать раз богаче его!»

Наполнил он золотом свой спорран и шапочку, снял чулки и башмаки — и в них насыпал золота, сделал мешок из рубашки — и его тоже наполнил золотом. Жаль ему было, что не может он набрать золота в рот и прихватить остаток. «Ну да ладно, — подумал, — остальное припрячу, а завтра приду сюда снова».

Согнувшись в три погибели под тяжестью золота, Финлей потащился обратно к Лох-Торридону. Когда он проходил мимо холмика, в котором жил маленький сапожник, он подпрыгнул от неожиданности, услышав, как кто-то пропищал тоненьким голоском: «За каждую монетку отдай мне три!» Финлей посмотрел себе под ноги и увидел гномика, который выглядывал из норки.

«Ни гроша тебе не дам!» — буркнул жадюга. Он разозлился, что его увидели с такой ношей, и хотел раздавить гномика боссой ногой. Но гномик был юркий, как ласка, и Финлей попал ногой в ямку. И тут же земля расступилась, и Финлей свалился в большую яму, которая все росла и росла.

До смерти испугавшись, бросил он сначала чулки с золотом, потом башмаки, потом рубашку и все остальное, и только спорран с золотом остался у него. Но яма становилась все глубже, и, чтобы удержаться, пришлось ему выпустить из рук и драгоценный спорран. После этого он тотчас же выбрался из ямы и свалился в полном изнеможении.

Когда же он снова открыл глаза, то очень удивился: холмик был точно такой же, как раньше — зеленый и гладкий, а ямка в нем совсем крохотная, какую мог выкопать кролик. Со всех ног бросился Финлей домой, словно злые духи гнались за ним по пятам, и никому не рассказал о том, что с ним приключилось.

Однако с того дня все стали замечать, что Финлей

стал добрым, услужливым и внимательным к соседям, и жил он долго и безбедно, чего, впрочем, не заслужил.

*Чем больше человек имеет, тем беднее
он себе кажется.*

Страна Вечной Юности

Тир-Нан-Ог

Аод, сын Аода, рыбак с острова Оронсей, медленно плыл по заливу в своем легком челне. Он ловил палтусов, притаившихся в песке на мелководье, а то и просто лежал на корме.

Солнце уже грело не так жарко, лето было на исходе. Рука осени коснулась земли, обесцветив водоросли, покрыв золотым, красноватым и бурым налетом заросли вереска и горы. Аод любил тихий залив, золотой песок, где зимой появлялись маленькие уточки, но еще милее ему были мелкие островки и узкие проливы между ними, куда заходили косяки сига.

Челн медленно плыл к песчаным отмелям в открытое море, где резвились тюлени. Аод думал, что успеет повернуть обратно до того, как начнет крепчать ветер. Но, когда он налег на весла, было уже поздно. Налетел шквал и погнал челн вперед, течение подхватило его и вынесло в море.

Никто не видел, как вынесло Аода из залива, как

исчез его челн за дальним мысом. К ночи родные горы скрылись из виду, тучи низко нависли над морем, углый челн беспомощно метался, а ветер все крепчал. Уже казалось, волны поглотят его, как вдруг из тьмы явилась стая птиц и окружила челн. Там, где они пролетали, море стихало и ветер не был властен над ним.

До самой зари не улетали птицы. Вдали показался зеленый остров, и они устремились к нему, а Аод направил челн в тихие воды без единого рифа и мели. Он вытащил его на гладкий берег. Но необычайная тишина вокруг испугала его. «Уж не попал ли я на край света?» — подумал Аод и воткнул свой нож в холмик у берега, как его учили мудрые рыбаки. Говорят, это оберегает от злых чар.

Вдруг Аод услышал, что кто-то поет нежным голосом. Пошел он на звук песни и видит — на скале прекрасная дева сидит, высокая и стройная, как березка. Золотистые кудри по белым плечам рассыпались, а лицо такое, что краше он и не видывал. Поманила дева его к себе, и Аод сел у ног ее и понял, что будет любить ее вечно.

Шли годы, и с каждым днем все крепче любил Аод прекрасную деву. Никогда не был он так счастлив. Никогда солнце не светило так ярко. И была это страна Вечной Юности, и не омрачали ее невзгоды. Но вот настал день, когда Аод вспомнил об острове Оронсей. Как ни старался он отогнать от себя думы о нем, с каждым днем все настойчивее возвращались они к нему, и вот однажды пошел он на берег, где у самой воды лежал его челн.

И захотелось Аоду вернуться в родную страну, о которой он совсем забыл. Поведал он прекрасной деве свою тоску, и омрачилось ее лицо.

«Нельзя этого делать, Аод, сын Аода. Семь лет ты прожил на острове Тир-Нан-Ог, в Стране Вечной Юности, откуда нет возврата».

«Мой челн крепок и выдержит путь», — ответил ей Аод.

«Не отплывет он и пяди от берега, как должен будет вернуться, иначе море поглотит его».

И понял тогда Аод, что как ни прекрасен остров Вечной Юности, а держит он их в заточении, как тюрьма. Но он не сказал своей деве о ноже, воткнутом в холмик у берега, который должен вызвать их оттуда.

Утром пошла дева за ним на берег.

«Поедем-ка к тому мысу», — сказал ей Аод, ставшая челн на воду.

«Только туда, но не далее можем мы плыть», — ответила дева, садясь в челн.

Но, когда они достигли мыса, Аод направил челн в открытое море, держа путь прямо на восток.

Едва они вышли в открытое море, как облик девы начал меняться. Она сидела на корме и рыдала, и с каждой слезинкой, что падала у нее из глаз, понемногу увядала ее краса.

Три дня и три ночи плыли они по бурному морю. На четвертой заре вдали показался остров Оронсей. Аод направил свой челн в тихий залив, к родным берегам.

Спрыгнув на берег, он обернулся к деве.

«Идем, любимая, — крикнул он радостно, — идем в мой дом на холме, там никакое колдовство над нами не властно».

Дева молчала. Снова позвал ее Аод. Дева приникла к скале, закрыв лицо покрывалом и обратившись туда, где над дальними скалами с криком носились чайки. В третий раз позвал ее Аод и, легко подняв на руки, осторожно откинул покрывало. Когда она наконец повернулась к нему, он увидел не прекрасную юную деву, а морщинистую древнюю старуху.

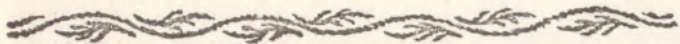
«О Аод, сын Аода! — горько зарыдала она. — Вер-

немся скорее на наш зеленый остров, там я вновь обрету юность и сохраню ее навеки!»

Тяжело было на сердце у Аода, понял он, что старые предания не лгут. Те, кто возвращается с зачарованного острова, теряют не только юность и красоту, но и счастье. Взял он свою любимую за руку, навеки простился с родным островом и снова направил свой челн в море на поиски Страны Утраченного Счастья.

Рыбаки с островов, случается, рассказывают об одиноком челне, который появляется на горизонте и ищет Страну Вечной Юности — Тир-Нан-Ог. Но всегда налетает шквал, и челн исчезает так же внезапно, как появился. И тогда рыбаки крепят паруса: они знают, что надвигается буря.

Друзья познаются в беде

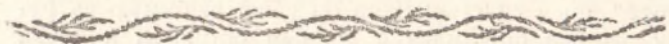
Малиновка-красногрудка попала в беду — она запуталась в зарослях терновника.

«Помогите мне, помогите!» — взывала она.

Две птицы услышали ее жалобные крики: Сойка и Клест. Сойка побоялась, что, выручая Малиновку, сама запутается в колючках, и поскорее улетела в лес.

Клест же поспешил на помощь: он принялся разрывать и распутывать колючие ветки и наконец освободил пленницу.

С тех пор трусливую Сойку презирают и люди и птицы. А Клест, хоть его клюв и согнулся крючком, счастливо живет в северных лесах. И своим изогнутым клювом он ловко достает семена из шишек.

Д в а г о р б у н а

НА острове Айона жил некогда юноша, по имени Фахи. Добрый и отзывчивый, он всем старался помочь. Ловко управлял он лодкой, а как искусно рассказывал занятные истории, когда зимним вечером соседи собирались у очага! И все же юноша был несчастлив. Сердце его всегда сжималось от тайной боли и горечи — ведь на спине у него был большой уродливый горб.

Фахи не любил показывать, как ему тяжело, но подчас он даже улыбаться не мог. Физическую боль он терпеливо переносил, но временами ему было невозможно, особенно при встрече с белокурой Кэристионой; тогда Фахи казалось, что горб его слишком тяжел. Всем сердцем любил он эту девушку, а она только сочувствовала несчастному юноше.

Когда на душе у него становилось особенно горько, он уходил от своих товарищей и забирался куда-нибудь в самый отдаленный уголок острова. Фахи любил бродить по песчаному берегу моря и смотреть, как волны разбиваются о высокие скалы. Но

чаще он поднимался на вершину горы Дан-Ай, куда редко приходили жители острова, и сидел там, пока ему не становилось легче.

В один из таких дней Фахи отправился на ту гору. Фермеры, видевшие, как он один-одинешенек взбирался по ровному склону, сочувственно смотрели ему вслед. «Сегодня Фахи тяжело нести свой горб», — говорили они, качая головами. Бедный юноша взобрался на вершину горы, прилег на зеленую траву и стал смотреть, как солнце садится за море.

Настала ночь, и взошла луна, а Фахи все не ухотил. Слыша ласковый шепот ветерка, он забывал о своем горе. В лунном свете камни казались ему гигантскими дворцами, а тени — танцующими маленькими человечками. Вдруг в ночной тиши Фахи услышал, как кто-то совсем рядом за скалой тоненьким голоском напевал песенку, состоявшую всего из двух слов: «Понедельник-вторник, понедельник-вторник». «Это уже не ветерок поет», — подумал Фахи и заглянул за скалу. При свете луны он увидел маленького гномика, который пел и танцевал вокруг высоких стеблей камыша. Никогда раньше не видел он такого странного танца. Гномик быстро кружился в такт песенке, а когда доходил до слова «вторник», останавливался на одной ножке, другая же повисала в воздухе.

«Ах! Чего только не дал бы я тому, кто подскажет мне конец песенки! — услышал Фахи пронзительный голосок гнома. — Ну что это за танец, когда нога то и дело повисает в воздухе!»

Услышав слова гнома, Фахи улыбнулся. Гномик снова запел и закружился в такт своей странной песенке. Но, как только он произносил слово «вторник», он останавливался и не мог сделать больше ни шагу. А надо сказать, что у Фахи был

тонкий слух. Он понял, что в песенке не хватает одного слова, и, когда гномик опять запел, Фахи быстро сказал: «Среда». Слово, как по мерке, подошло к ритму песенки, и гном, весело подпрыгнув, закончил танец. После этого он подошел к Фахи, снял свой зеленый колпачок, поклонился и спросил: «Как мне отблагодарить тебя, добрый юноша?» «Ничего на свете мне не нужно», — грустно ответил Фахи.

«А что же привело тебя на вершину Дан-Ай после заката солнца?» — продолжал расспрашивать гном. И юноша поведал ему о своем горе. Гном молча выслушал его, потом убежал за гору и скрылся.

Спустя несколько минут он вернулся с толпой таких же маленьких человечков. Не успел Фахи опомниться, как они взобрались к нему на спину и начали дергать и колотить его горб. Потом спрыгнули и весело закружились вокруг него. Фахи вдруг стало совсем легко. Он встал и дотронулся до спины — горб исчез!

Юноша горячо поблагодарил гномов и, не помня себя от радости, побежал домой. Повсюду разнеслась молва об этом чуде. Дошла она и до другого горбуна — жадного и грубого Хью, который жил на острове Тайри. Жадность его доходила до того, что он готов был унести даже корм для кур, и хозяйки, завидя его, подальше прятали корм.

Как только Хью прослышал об удаче Фахи, он стащил у соседа лодку и отправился на остров Айону. Фахи рассказал ему, как добраться до вершины Дан-Ай, где танцуют гномы, и Хью поспешил, чтобы попасть туда до полуночи. Забравшись на вершину, стал он с нетерпением ждать, пока не погаснет последний луч солнца. Наконец луна вышла из-за туч, и появился гном. Он запел свою песенку: «Понедельник-вторник-среда, понедельник-вторник-

среда», — и закружился в веселом танце. Хью знал, что Фахи помог закончить песенку, которую гном так весело пел. «Дай-ка и я что-нибудь добавлю», — решил Хью. Не успел гном произнести «среда», как Хью выкрикнул: «Четверг!»

Гном, продолжая танцевать, добавил новое слово, но оно не подошло к ритму песенки, и гном никак не мог закончить танец — одна ножка оставалась висеть в воздухе. Увидев это, Хью громко расхохотался и, схватившись за живот, начал кататься по земле. Гном рассердился и повернулся, чтобы посмотреть, кто испортил ему веселый танец. А Хью, продолжая неистово хохотать, подбежал и схватил гнома за ногу.

«Погоди, погоди! Сию же минуту уничтожь мой горб, — грубо закричал он, — иначе я не отпущу тебя».

«Но я не могу сделать этого без помощи своих братьев», — ответил гном.

«Тогда немедленно отправляйся за ними», — приказал Хью.

Тот убежал и вскоре вернулся с другими гномами. Они окружили Хью, велели лечь и забрались ему на спину. А Хью торопил их, покрикивая:

«Скорее, скорее уберите прочь мой горб!»

Гномы молча делали свое дело, потом спрыгнули на землю и велели ему встать. Хью попытался подняться, но почувствовал двойную тяжесть на спине. Он не мог даже выпрямиться.

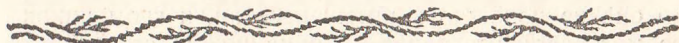
«Что вы со мной сделали!» — сердито вскрикнул он. «За то, что ты злой и грубый, — ответили гномы, — мы приделали тебе еще один горб».

Проговорив это, они убежали.

Теперь на спине у Хью красовались два горба — его собственный да еще и горб Фахи впридачу. От стыда он убежал от людей и поселился в самом

отдаленном уголке Шотландии, где и прожил до конца дней своих с двумя горбами.

А Фахи женился на Кэристионе и был счастлив с ней всю свою жизнь. Говорят, что его внуки и поныне живут и здравствуют на острове Айона.

Макиэйн Гирр

Некоторые говорят, что Макиэйн Гирр жил в Мулле, другие — что в Арднамурхане. Но, поскольку большую часть времени он проводил в море, это не имеет большого значения. Макиэйн Гирр был смельчаком, да и находчив был на редкость. Часто ему приходилось пускаться на различные уловки, чтобы обмануть своего врага.

Прослышал Макиэйн о богатстве жителей острова, принадлежащего клану Дуйнов. Скот у них был тучный, зерно в изобилии, а денег так много, что они не уместились бы в самом большом спорране.

Но совершить набег на этот остров было рискованно. Можно было захватить жителей острова врасплох, но они наверняка перехватили бы галеру Макиэйна на обратном пути.

И придумал Макиэйн дерзкий план. Как-то раз его черная галера показалась в море — она плыла на юг. «Кого это Макиэйн Гирр собирает грабить сегодня?» — спрашивали друг у друга жители острова. Узнав, что он совершил набег на их соседей, они ре-

шили расправиться с ним. Но галера Макиэйна больше не появлялась. Правда, мимо острова прошла одна галера, но она была белая.

На самом же деле это и была галера разбойника. Тот борт, который был виден с суши, Макиэйн перекрасил, и стал он белым, как пена прибоя, а борт, обращенный к морю, по-прежнему оставался черным. Так Макиэйн и ускользнул с добычей.

Много раз повторял Макиэйн эту хитрость, плавая на черно-белой галере, и его коварство вошло в поговорку. И теперь нередко можно услышать, как люди говорят:

Этот человек с одной стороны белый,
а с другой черный, как галера
Макиэйна Гирра.

Д о б р ы е   с о с е д и

Еще не рассеялся утренний туман в горах, а миссис Бакхэм на ферме Бедрул давно уже встала и хлопотала по хозяйству. В хлеве, где она доила корову, звуки молока, лившегося в ведро, почти заглушали пение жаворонков, которые взлетали высоко в небо над раскинувшимися вокруг фермы лугами, влажными от росы.

Когда хозяйка вернулась на кухню, огонь в очаге уже разгорелся, а в котелке пыхла вкусная овсяная каша. Вскоре в кухню ворвалась шумная

ватага малышей, голодных, как волчата. Только на минутку воцарилась тишина, когда пришел отец и сел за стол. Накинувшись на завтрак, дети принялись уплетать кашу, запивая ее свежим густым молоком.

Позавтракав, отец сказал матери, что погода как будто проясняется, и отправился в пристройку, тяжело ступая грубыми башмаками по мощенному булыжником двору. Уже настала пора жатвы, но весь август шли дожди и хлеба стояли еще зеленые. Миссис Бакхэм видела, что муж угрюм и молчалив. Да она и сама тревожилась, так как муки в ларе оставалось на доньшке, а голодные ребятишки то и дело просят есть.

Но вот выглянуло солнышко, и дети высыпали на улицу. То-то обрадовалась мать: в этот день она задумала печь овсяные лепешки, и ей было на руку, что малыши убежали. Время от времени до нее доносились веселые голоса детей, и она знала, что они где-то поблизости. Подходя к ларю за мукой или подбрасывая дрова в очаг, она видела в кухонное окно светлые фартучки детей, мелькавшие среди кустов у ручья, где ребята обычно играли.

Жаркое августовское солнце разогнало утренний туман и высушило росу. У порога сладко дремала овчарка Боути. Время от времени она нетерпеливо отмахивалась от назойливой мухи, жужжавшей у нее над ухом. Миссис Бакхэм уже напекла немного лепешек. Она стояла у кухонного стола, спиной к очагу, перепачканная мукой. В кухне вкусно пахло жареными лепешками. Сонная тишина нарушалась лишь стуком скалки, которой хозяйка раскатывала тесто, да грохотом сковороды, которую она то и дело поворачивала.

Миссис Бакхэм была настолько занята, что не слышала легкого стука в дверь. И странное дело, собаки

не залаяли, как обычно при появлении гостя на ферме Бедрул. Подняв голову, она вздрогнула от неожиданности: в дверях стояла маленькая женщина в зеленой одежде.

«Доброе утро, — приветливо поздоровалась хозяйка. — Я и не слыхала, как вы вошли. Я очень занята и никак не могу оторваться».

«Вижу, что пришла не вовремя, — сказала маленькая женщина и, помолчав, добавила: — Хорошо, что у вас еще есть мука, в других семьях нашей округи уже давно ни щепотки не осталось».

«Да и я последнее выскребла, — ответила миссис Бакхэм. — Теперь сама ломаю голову, где бы достать муки».

«Жаль, — грустно сказала маленькая женщина, — а я-то надеялась одолжить у вас немножко овсяной муки всего на один-два дня».

Бакхэм взглянула на маленькую женщину. Ростом она была ненамного выше ее старшей дочки. Незнакомка не похожа была на крестьянку — падавшие ей на плечи красивые золотистые кудри делали ее похожей на госпожу.

Миссис Бакхэм никогда не могла отказать, если к ней обращались за помощью. Собрав остатки муки со стола, она всыпала полную горсть в маленький мешочек, который ей протянула женщина в зеленом. «Такому маленькому созданию этого хватит, — сказала миссис Бакхэм, — а меня эта горсть все равно не спасет».

«Спасибо вам, большое спасибо, — воскликнула незнакомка, — вы добрая женщина. Пусть же ваш ларь для муки никогда не будет пустым!»

С этими словами она проскользнула на улицу мимо Боути, которая только хвостом махнула, словно отгоняла муху.

Глубоко вздохнув, миссис Бакхэм продолжала работу.

С луга, поросшего лютиками и клевером, доносились детские голоса. Приближался обеденный час, и мать подвинула котелок с супом ближе к огню. Наконец погода установилась, сентябрь выдался жаркий. Работники вышли в поле и весело посвистывали, глядя на спелые колосья хлеба, отливавшие золотом. Часть собранного зерна они сейчас же отправили на мельницу, и как раз вовремя, так как ларь для муки был пуст.

Несколько дней спустя миссис Бакхэм, тщательно вымыв подошники, выставила их на солнце, чтобы высушить, и вдруг заметила, что возле нее стоит та же маленькая женщина в зеленой одежде. «Я пришла, чтобы возвратить вам овсяную муку». «Быстро вы пришли, — сказала миссис Бакхэм. — Подождите минуточку, я высыплю муку в ларь и верну вам мешочек. Кажется, погода устанавливается», — проговорила она, подойдя к ларю.

«Да, вы соберете богатый урожай, миссис Бакхэм, — ответила маленькая женщина. — Пусть же в вашем доме всегда царит благополучие за то, что вы помогли мне».

С этими словами маленькая женщина, слегка подпрыгивая и потряхивая золотистыми кудрями, пошла к лесу и скрылась между деревьев.

И странно, после этого дня всякий раз, как миссис Бакхэм доставала из ларя муку и думала: «Ну, вот и конец запасам», — там всегда оставалась горсть муки на одну выпечку. Она только диву давалась: этой горстке не было конца.

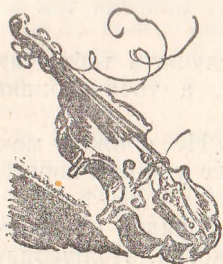
На ферме все шло хорошо. Стояла ясная и теплая погода. Спелые хлеба шумели на полях. Жатва была в полном разгаре. Работники, метавшие стога, смеялись и перекидывались шутками. Наконец шумной ватагой подошли они к последней полоске и мигом скосили ее. Потом начали подбрасывать вверх косы и закружились в веселом танце, припевая:

Хлеба скосили,
Убрали последний сноп!
Хо-хо, гоп-гоп!

И они взяли последний сноп, торжественно принесли его на ферму, сделали из него бабу, украсили красивыми лентами и повесили на кухне до следующего года.

С к р и п а ч М а к ю з н а

От вен круахана и до самого моря едва ли нашелся бы человек, который не знал Калема, прозванного Левшой. Это был невзрачный человечек с козлиной бородкой и без единого волоска на голове. Прозвали его так потому, что он и вправду был левшой, но соседи давали ему и другие прозвища, потому что был он

лентяй, хоть и хвастался вечно, какой-де он сильный да умный, да какая это удача быть левшой. Если он не мог придумать, как облегчить себе работу, то и вовсе ее не делал.

Однажды у него от башмака отскочил каблук. Некому было приколотить ему каблук, и Калему пришлось взяться за дело самому. И так он был зол, что чаще ударял молотком себе по пальцам, чем по гвоздям. Да к тому же и погода была отличная, и куда приятнее ему было бы растянуться на траве и бездельничать.

Только он хотел швырнуть башмак с молотком в дальний угол кухни, как раздался стук в дверь. Не

успел Калем подняться и отворить, как кто-то за дверью начал тихонько играть на скрипке. Он выглянул в окно и увидел крохотного человечка, еще меньше его самого, который играл на коричневой скрипке. Когда Калем открыл дверь, маленький человечек протянул шапку.

«Да будет благословен твой дом, Калем Левша! Не найдется ли у тебя медяк для скрипача?»

«Уходи прочь, попрошайка! — крикнул Калем. — Я бедняк, у меня у самого нет ничего».

«Ах, какая жалость! Когда я увидел твой славный домик, Калем Левша, я сказал своей скрипке: «Человек, который живет здесь, знает толк в музыке, и ты будешь стараться изо всех сил, чтобы понравиться ему». А моя скрипка и вправду никогда так не старалась».

«Что за вздор ты городишь! Послушать тебя, так можно подумать, что это не ты, а твоя скрипка играла!»

«Тс-с! — прошептал скрипач. — Не обижай мою скрипку, а то феи, что положили ее у моего порога, заколдуют нас!»

«Не мели чепуху! Много скрипок я видел на своем веку, но такой невзрачной — никогда. Волшебная скрипка, как бы не так!»

«Ну хорошо же, Калем Левша. Возьми ее и попробуй сам».

Никогда раньше Калем не пробовал играть на скрипке. А тут провел смычком по струнам и даже рот раскрыл от удивления: скрипка и вправду сама заиграла, да так хорошо, так весело. Он никогда еще не слышал такой музыки. Пальцы его левой руки бойко плясали по струнам, словно кулик на болоте, и раздавались звуки стретспея* Дональда Горма, волынщика самого вождя Макюзна.

---

* Название шотландского танца. — *Прим. перев.*

«Ого! — воскликнул Калем. — Ты только послушай! А я и не знал, что умею играть на скрипке. Волшебная скрипка, как бы не так! Только дурак может поверить твоим рассказам, а Калем Левша не дурак. И вовсе это не скрипка играет, а моя проворная левая рука. Вот, послушай!»

Калем снова заиграл, и на этот раз музыка была такая нежная и такая грустная, что, когда он кончил, слезы рекой лились по его бороде.

«Ну что ж, скрипка хорошая, и она мне подходит. Я, пожалуй, дам тебе серебряный шестипенсовик за нее», — сказал Калем, доставая из кармана монету. Скрипач посмотрел на монету, потом на Калема, загадочно улыбнулся и сказал:

«Я возьму твою монету. Но должен кое-что сказать тебе об этой скрипке. Постарайся не хвастаться и не гордиться своей славной левой рукой: эта скрипка ревнивая, и горе тебе, если ты забудешь об этом».

Но Калем Левша уже захлопнул дверь перед носом незнакомца.

В тот же день он надел свою лучшую шапочку, взял скрипку под мышку и пустился в путь. Скоро пришел он в деревню.

«Куда путь держишь, Калем Левша?» — спросили его.

«Я иду играть на моей скрипке для Макюзна-вождя, — ответил Калем, — а когда он услышит мою игру, я стану получать от него серебро и играть для него. Я, а не Дональд Горм».

«Не может быть! А мы и не знали, что ты скрипач. Сыграй-ка, а мы послушаем».

Калем заиграл, и все столпились вокруг него, удивленные и восхищенные. «Никогда еще мы не слышали такой игры», — говорили все, когда он кончил. «Ну, это совсем нетрудно, если у тебя есть дар, — начал хвастать Калем. — Все мое умение в

моей славной левой руке. Вот посмотрите, как это у меня просто получается», — сказал он, снова поднимая скрипку. Но только он хотел заиграть, как вдруг лопнула струна и сильно хлестнула его по лицу.

«Ой-ой-ой! — завопил Калем и запрыгал от боли. — Мой нос разрезан на две половинки!»

«Ха-ха-ха! Ну и здорово же ты играешь, Калем! И все это твоя славная левая рука!» — смеялись крестьяне.

Калем поспешил уйти, он очень разозлился и испугался. Хотел было связать лопнувшую струну, но узелок никак не держался. Впрочем, когда он провел смычком по оставшимся струнам, ему показалось, что скрипка играет все так же хорошо, и он быстро зашагал к замку Макюзна.

Калем смело подошел к воротам замка и трижды постучал.

«Кто там?» — спросили его.

«Калем Левша, скрипач Макюзна».

«Скрипач Макюзна? Нет такого», — сказал привратник и вышел взглянуть, кто это пожаловал в замок.

«Ну, так скоро будет, потому что я самый великий скрипач во всей Шотландии. Когда вождь услышит меня, то не Дональд Горм, а я буду играть у него за столом и во время пиров. И слава о моей проворной левой руке прокатится от моря до моря»

Не успел Калем проговорить эти хвастливые слова, как лопнула вторая струна. На этот раз она хлестнула привратника.

«О горе мне, я ослеп! — завопил он. — Незнакомец ослепил меня!»

На его крик, обнажив мечи, сбежались воины Макюзна. Последним прибежал Дональд Горм. Когда он услышал хвастливые речи Калема Левши, он сказал:

«Сыграй нам, незнакомец. Посмотрим, достойна ли твоя музыка слуха нашего вождя».

На этот раз музыка Калема была совсем не такой приятной, и он поспешил оправдаться: — Дай мне еще сыграть тебе, Дональд Горм, и я покажу, как может играть моя славная левая рука. — И тут лопнула третья струна!

Дональд Горм схватился рукой за подбородок и закричал:

«В подземелье его!»

И глупого Калема потащили по узкой лестнице и бросили в темницу вместе со скрипкой.

«Теперь, мой славный скрипач, посмотрим, что делает твоя проворная левая рука!»

Целых три дня Калем Левша пробыл в темнице. И наконец понял, каким глупцом он был. Что ему говорил скрипач? «Постарайся не хвастаться и не гордиться своей славной левой рукой: эта скрипка ревнивая». А теперь из-за своего хвастовства он попал в такую беду!

Он положил руку на скрипку — струны были целехоньки! Калем поднял скрипку и начал играть в темноте. И скрипка запела еще чудеснее, чем раньше.

Музыка дошла до слуха самого Макюзна.

«Кто это играет на скрипке, Дональд Горм?» — спросил он, приставив к уху ладонь.

«Какой-то Калем Левша — негодяй, которого мы бросили в подземелье».

«Мне нравится его музыка. Приведи-ка его сюда, и пусть он мне поиграет».

С того дня, услышав игру Калема Левши, никто не мог усидеть на месте Макюзн сидя приплясывал. и даже Дональд Горм умолкал в восхищении. Калема помиловали, и он удостоился чести вместе с Дональдом Гормом играть перед Макюзном во всех торжественных случаях.

Теперь от замка Макюзна остались одни развалины. Люди, которым случалось в бурную ночь оказаться в тех местах, рассказывают, что они слышали нежную музыку волшебной скрипки.

А может быть, это просто ветер завывал в разрушенном камине среди развалин.

*Не успеешь возгордиться,
как уже пора смириться*

Э и г у с О г и п т и ц ы

ТЕ, кто живет на севере Шотландии, знают, как долго тянутся летние сумерки. Иной раз кажется, что багряное солнце так и не закатится, а вот-вот снова начнет подниматься в небе и ночи вовсе не будет.

Но ведь надо же когда-нибудь спать! Только перед самым рассветом становится на земле тихо.

Много-много лет назад — так рассказывает легенда — день не кончался никогда. Очень трудно было определить, когда надо укладываться спать, потому что на равнинах и в лесах сутки напролет пели птицы и своим нескончаемым пением не давали никому покоя.

Долго слушал птичьи песни бог весны Энгус Ог, и очень они ему надоели. Но не в его силах было уско-

рить наступление ночи, и решил он прибегнуть к хитрости: ведь если заставить птиц хорошенько потрудиться, они и сами рады будут заснуть. Вот как он это сделал.

Созвал Энгус Ог с равнин, с гор и из ущелий всех птиц и, когда они собрались вокруг него на зеленом холме, спросил, кто из них поет громче всех. Начался среди птиц жестокий спор, потому что никто не хотел уступать первенство.

«Послушайте, птицы, — сказал юный бог, — давайте-ка устроим состязание. Завтра, лишь только забрезжит рассвет, все вы запевайте свои песни, а я сяду на Бен Крочэн и буду слушать. Кто будет петь громче всех, того мы и объявим победителем».

«А как же мы узнаем, когда надо начинать петь», — спросили крапивник, сова и маленькая коричневая ласточка, которая вьет гнездышки в глубоких норках и в дуплах.

«Красный петух возвестит начало состязания, — ответил Энгус Ог, посмеиваясь про себя.

Как и пообещал Энгус Ог, лишь только занялся рассвет следующего дня, рыжий петух прокукарекал со своего насеста.

Первым проснулся жаворонок и взмыл в небо, распевая свою песню. Жаворонок разбудил грачей на деревьях, завирушек, дроздов, малиновок, коноплянок, и вскоре мощный птичий хор разнесся далеко-далеко над лесами, долетая до самых дальних горных ущелий.

И каждая птица, даже грач и галка, старалась изо всех сил, чтобы петь громче всех.

Весь этот день Энгус Ог сидел на Бен Крочэне и слушал. Все получилось, как он предполагал, и Энгус Ог хлопал в ладоши от восторга, а смех его ветерком проносился над долинами. Птицы же так старались перекричать одна другую, что невозможно было даже различать их голоса.

К заходу солнца птичье пение стало стихать. Даже дрозды порядком устали и охрипли.

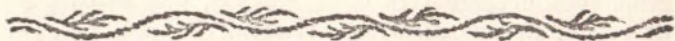
«Лети-ка на Бен Крочэн к Энгусу Огу, — сказали они голубю. — Пусть он скажет, кто из нас поет громче всех».

«Это очень трудно решить, — покачал головой Энгус Ог, когда голубь прилетел к нему с таким вопросом. — Лети-ка, голубь, обратно к птицам и скажи им, чтобы завтра и послезавтра и каждый день на рассвете они запевали свои песни, а я буду слушать еще внимательнее. Я буду слушать до тех пор, пока не определю самого лучшего певца».

Этим вечером, несмотря на долгие сумерки, птицы рады были бы отдохнуть. Но, как и накануне, на рассвете их разбудил петух, и птицы опять запели во весь голос.

Снова отправился голубь к Энгусу Огу с тем же вопросом, и опять Энгус Ог отослал его обратно с тем же ответом. Так он до сих пор и не решил, кто поет громче всех, потому что, вволю напевшись, птицы быстро засыпали.

Энгус Ог и сейчас слушает птиц, когда они запевают хором на рассвете. Вы не верите? А вот поднимитесь-ка чуть свет, вместе с рыжим петухом, и сами услышите, как стараются птицы. Может быть, вам даже посчастливится увидеть и лесного голубя, когда он летит на Бен Крочэн к Энгусу Огу с вопросом, на который тот никогда не даст ответа.

В о л ш е б н а я   с к а м е е ч к а

Найниг была хороша собой — такая махонькая, такая складненькая, такая пригожая, что парни всей округи вздыхали по ней, хотя ей едва исполнилось шестнадцать лет. Темные кудри спускались на нежную шейку, большие глаза сверкали и были синие-синие, а губы — красные, как рябина.

Найниг, конечно, знала, что она хороша, краше соседских дочек, всегда с завистью смотревших ей вслед; ведь Аласдер, Мэрдо и многие, многие другие говорили ей это, когда встречали ее! Да и сама она разве не смотрелась в зеркальце, висевшее у окна?

Каждый день Найниг твердила себе, что слишком она красивая и деликатная леди, чтобы всю жизнь просидеть в глуши, среди зарослей вереска, пасти глупых коров, убирать ферму да гнуть спину с отцом в поле. И как мне ни грустно рассказывать вам это, но Найниг быстро становилась глупой и ворчливой девицей.

Однажды пошла она загонять скотину и со злости стала бранить своих коров, ворчала, что много с ними хлопот, а ей куда больше пристало сидеть перед зеркалом, расчесывать кудри, наряжаться да прихорашиваться. Должен сказать вам, что коровы давно уже привыкли к острому язычку Найниг и ее вечным жалобам и не обращали на нее никакого внимания, а она злилась пуще прежнего. Вдруг среди вереска кто-то крикнул тоненьким голоском: «Подожди, Найниг, я не могу догнать тебя!» Найниг остановилась, удивленная, и видит—крохотная жен-

щина бежит, едва поспевая за ней, и в руках у нее скамеечка.

«Ох-ох-ох, ну и быстро же ты идешь! — сказала незнакомка, еле переводя дух. — Я слышала все, что ты говорила коровам. Коли тебе трудно доить их, так я тебе помогу. Вот посмотри на мою скамеечку».

Найниг только вздохнула. Ведь ей нужна была вообще не скамеечка, ей нужно было, чтобы кто-нибудь за нее подоил коров! Незнакомка усмехнулась, она сразу прочла мысли Найниг.

«Нет, погоди, это не простая скамеечка, — сказала она. — Ну-ка сядь возле рыжей коровы и посмотри, что будет».

Найниг пожала плечами, но все же поставила скамеечку возле рыжей коровы и приготовилась доить. И тут она прямо рот раскрыла от удивления: не успела она прикоснуться к корове, как подоилник был уже полон. Так она выдоила и белую корову, а за ней еще черную. И подумать только — всего за две минуты! А довольные коровы опять могли пастись. Чудеса да и только!

А незнакомка засмеялась и спрашивает:

«Дашь ты мне одно обещание, Найниг, за мою скамеечку?»

Найниг готова была отдать ей все, что она пожелает, за такую чудесную скамеечку и радостно закивала.

«Тогда обещай мне, — сказала незнакомка, — что отныне ты будешь ласково обращаться с коровами. Ругать их еще куда ни шло, но не вздумай ударить их ни рукой, ни палкой, а то скамеечка оплатит тебе».

Такое обещание легко было сдержать. Найниг кивнула головой, поблагодарила незнакомку и унесла с собой чудесную скамеечку. С тех пор доить коров для Найниг было одно удовольствие. Но ведь в доме

еще оставалось много другой неприятной работы, и Найниг снова захотелось, чтобы кто-нибудь за нее мыл полы, чистил горшки, полон грядки, кормил птицу. И вот очень скоро она опять стала ныть и жаловаться с утра до вечера.

Однажды пошла она загнать коров домой и совсем забыла о своем обещании. Старая Бет, рыжая королева, никак не хотела ее слушаться. Найниг вытащила хворостину из ограды и изо всех сил ударила ее. Все шло хорошо, пока не пришли они в хлев и Найниг не уселась доить на чудесную скамеечку. Тут все три ножки скамеечки начали подгибаться и весело приплясывать, и девушку стало подбрасывать, словно она ехала на осле. Подойник перевернулся, а Найниг ускакала из хлева на резвой скамеечке. Захотела она встать, да не тут-то было — накрепко прилипла она к скамеечке!

Так и скакала Найниг на скамеечке по ферме, по крапиве, через канавы и ручьи, сквозь дрок, куманику и боярышник, пока вся с головы до пят не покрылась волдырями, синяками да царапинами. Башмаки она потеряла, платье висело клочьями, а волосы растрепались и спутались. Наконец скамеечка высоко подпрыгнула, сбросила Найниг в вереск и исчезла.

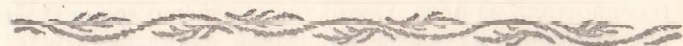
Найниг еле поднялась, а тут еще Мэрдо — пастух, Том — сын ткача да Аласдер с соседней фермы прибежали посмотреть, что такое с ней приключилось. Увидели и остановились как вкопанные, да как захохочут, чуть животы не надорвали.

А у Найниг слезы в три ручья текут. Со всех ног бросилась она к пруду промыть ссадины. Увидела свое отражение и тоже начала улыбаться, а потом громко рассмеялась. И тут случилось самое удивительное: чем больше она смеялась, тем лучше ей становилось. Волдыри и царапины перестали саднить, спутанные волосы легко расчесались, и

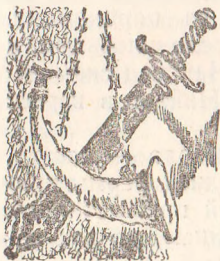
сама она, казалось, никогда еще не была такой счастливой.

С того дня, хотя Найниг и потеряла волшебную скамеечку, она была вполне довольна своей судьбой. Она всегда улыбалась и весь день весело распевала. И стала она такая красивая, что в один прекрасный день младший сын помещика выбрал ее себе в жены. И вы, конечно, согласитесь, что это самый подходящий конец для такой удивительной истории.

От лодыря земле тяжко

Кэнонби Дик в Эйлдонских горах

Много лет назад у границы с Англией жил торговец лошадьми, по имени Кэнонби Дик. Повсюду славился он своим бесстрашием и буйным нравом. Многие втайне восхищались им, хоть и боялись его смелых и безрассудных выходов. Был он беззаботным человеком и со всеми вел себя запанибрата. Оттого одним он нравился, а другие его сторонились.

В ту ночь, о которой мы поведем рассказ, Кэнонби Дик скакал верхом по западному склону Эйлдонских гор через Бойдэнский торфяник. Светила луна. Иногда на нее набегали облачка, бросающие причудливые тени на трехглавую гору, по склону которой ехал Дик. Подле него бежала пара лошадей —

он так и не сумел в тот день продать их за хорошую цену.

Вдруг из темноты шагнул человек, остановил всадника и заговорил с ним. Дик не знал его, но в этот миг луна вышла из-за облака, и Дик заметил, что одет он необычно. Старинное одеяние незнакомца напомнило Дику древнего героя, но какого — он никак не мог вспомнить. Только незнакомец заговорил, и стало ясно, что он не простой человек. Дик осадил коня, чтобы выслушать его.

Незнакомец похлопал лошадей и спросил, не продаются ли они. Стоило Дику почуять, что пахнет выгодной сделкой, как он забывал, с кем говорит, и сразу же принимался торговаться. Будь это хоть сам дьявол, Дик все равно постарался бы надуть его и остаться в выигрыше.

Поспорив о цене, они наконец заключили сделку, и незнакомец отдал Дику деньги. При свете луны Дик рассмотрел монеты и, к удивлению, увидел, что они очень старинной чеканки: были тут и монеты с единорогом и золотые времен короля Якова Пятого.

Но вот задача — как обменять их на обычные деньги? Однако монеты были из чистого золота, и Дик скоро сбыл их с рук, да еще с прибылью.

Незнакомец договорился с Диком, что в условленную ночь тот приведет ему еще лошадей. Так приходил Дик несколько раз, и незнакомец всегда расплачивался теми же старинными монетами, но всякий раз ставил условие: Дик должен приходиться в назначенное место только ночью и один.

В течение некоторого времени Дик продавал незнакомцу лошадей, получая каждый раз хорошую цену. Но вот однажды, то ли из любопытства, то ли в надежде на еще большие барыши, Дик решил разузнать, где живет таинственный незнакомец. Поэтому он, как всегда, грубо пошутил, намекнув,

что сухая сделка не принесет удачи, и спросил, не хочет ли незнакомец, коль скоро он живет неподалеку, пригласить его к себе выпить по стакану вина.

«Добро пожаловать в мой дом, — ответил незнакомец, — но берегитесь: если струсите, сами пожелаете».

Не испугавшись этих слов, Дик последовал за незнакомцем. Они шли по узкой тропинке меж южной и центральной вершинами горы. Тропинка вела к утесу, напоминавшему своими очертаниями зайца, за что и прозван был он Заячьим утесом. И шла молва, что в полночь у подножия странного утеса, так же как у ветряка, что в Киппилоу, ведьмы собираются на пир.

Удивленный Дик вошел вслед за незнакомцем в отверстие в горе, которого раньше не замечал, хоть и проезжал по этим местам десятки раз. Дику стало не по себе: может быть, и не стоило ему идти в такое место. Словно читая его мысли, незнакомец повернулся к нему и сказал:

«Если хотите, можете вернуться».

Дик ни за что не согласился бы обнаружить свою слабость перед людьми и потому лишь махнул рукой в знак того, что готов идти дальше.

Отверстие в горе расширилось, и они вошли в огромную пещеру. Когда глаза Дика привыкли к полумраку, он увидел, что находится в высоком зале, тускло освещенном слабо горящими светильниками и украшенном древней резбой и драпировками, словно дворец султана. Оттуда Дик и его спутник попали в громадные подземные конюшни. Справа и слева тянулись стойла, и там стояли вороные кони. Возле каждого из них лежал рыцарь, одетый в черную кольчугу. Все спали: ни кони, ни люди не шевелились. Они были неподвижны, словно высечены из камня.

Следуя по пятам за незнакомцем, Дик прошел в глубину мрачной пещеры. Царила мертвая тишина, как в покинутом тронном зале старинного замка. На массивном столе лежали меч и рог.

«Кто вынет меч из ножен и протрубит в рог, тот станет королем всей Британии, — проговорил незнакомец, — если хватит у него на это храбрости. Ведь все зависит от того, что он сделает сначала: вынет ли меч из ножен или затрубит в рог. Так говорит тот, кто никогда не лжет».

Услышав последние слова незнакомца, Дик понял, что стоит перед Томасом Эрсилдуном.

Что же сделать сначала? Мозг его лихорадочно работал. Сейчас ему представлялся случай завоевать величайшую славу. Только он хотел выхватить меч из ножен, как подумал о том, что Хозяева Горы возмутятся таким неучтивым поступком. Тогда он дрожащей рукой взял рог и, приложив его к губам, пытался протрубить боевой клич. Раздался едва слышимый звук, но и этого было достаточно, чтобы разбудить спавших воинов. В зале загрохотало, эхо прокатилось под сводами; кони, потряхивая упряжью, начали грызть удила, храпеть и нетерпеливо бить копытами. Вскочив на ноги возле своих скакунов, рыцари, гремя кольчугами, обнажили мечи. Дик протянул руку, чтобы схватить заколдованный меч, но в тот же миг чей-то громовой голос произнес таинственные слова:

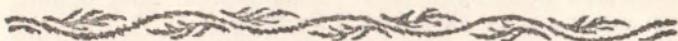
Горе же трусу, который не смог
Вынуть меч прежде, чем дунет он в рог.

До Дика донесся шум ветра; вот он с воем ворвался в пещеру. Невидимая сила подхватила его и выбросила из пещеры. Дик ударился о груды камней и без сознания пролежал там до следующего дня, когда его подобрали пастухи. Очнувшись, он едва

слышным голосом рассказал им о случившемся, откинулся и испустил дух.

Говорят, что король Артур и его рыцари и по сей день спят в Эйлдонских горах в ожидании героя, который протрубит боевой клич в волшебный рог, и тогда рыцари снова поскачут на великую битву против сил тирании.

Золото обходится слишком дорого

Любопытный портняжка и молоко

В старину портные ходили по фермам и жили у каждой хозяйки по несколько дней, обшивая все семейство и переделывая старую одежду для ребятшек.

Вот так в одно прекрасное утро на ферму Делорен, что в верховьях реки Иттрик, прибыл портной со своими подмастерьями, чтобы пошить хозяевам зимнюю одежду. Портные пришли рано утром, как было договорено, и жена фермера дала им на завтрак овсяной каши и молока. Когда же, выпив молоко, портные попросили еще, хозяйка сердито сказала им, что молока у нее совсем мало. Однако она все же взяла кувшин и пошла в маслобойню.

Один любопытный молодой подмастерье выскользнул за ней следом, чтобы посмотреть, где она дер-

жит молоко. Как же он удивился, когда увидел, что хозяйка, войдя в маслобойню, отвернула кран в стене и налила полный кувшин молока. Потом она завернула кран, и молоко перестало литься. Портняжка решил никому не рассказывать про то, что видел, и поспешно вернулся на свое место за столом. Следом за ним вошла хозяйка и поставила на стол кувшин свежего, жирного молока — вкусного-превкусного.

До полудня было еще далеко, когда портной стал жаловаться на жажду. «Хорошо бы выпить такого молочка, какое они пили утром», — сказал он. А бойкий подмастерье возьми да и вызовись принести молока. Вместо благодарности портной сердито проворчал в ответ, чтобы мальчишка делал свое дело — чем скорее они закончат работу, тем лучше, ведь хозяйка фермы Делорен не славится гостеприимством.

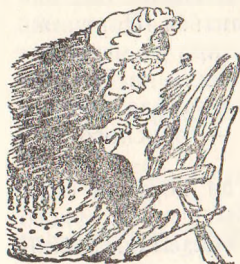
Но, услышав, что хозяйка вышла из дому, подмастерье проник в маслобойню. Он поставил кувшин под кран и отвернул его. Когда молоко налилось до краев, подмастерье завернул кран.

Но что это? Сколько он ни крутил кран, молоко продолжало литься. В отчаянии подмастерье позвал на помощь своих товарищей. Кувшины, тазы, ведра — все, что попадалось под руки, подставляли они под кран, но молоко лилось и лилось непрерывным потоком.

В разгар суматохи в маслобойню ворвалась сама хозяйка. Увидев, что произошло, она страшно рассвирепела.

«Разбойники! Грабители! — завизжала ведьма. — Вы же выдоили всех коров в нашей округе! Ни одна хозяйка не получит сегодня и капли молока!»
Вот с тех самых пор и повелся такой обычай у хозяек фермы Делорен — кормить портных только картофельным пюре да щами.

Х э б е т р о т

В те времена, когда шотландцы выращивали лен и сами пряли его, а потом ткали тонкое льняное полотно, жила близ города Селкёрк красивая девушка. Больше всего любила она бродить по зеленым холмам неподалеку от дома или забираться в густой орешник и смотреть, как дрозды скачут с ветки на ветку,

да слушать журчанье ручья, который нашептывал сказки, сбегая по каменистому склону.

По душе была ей привольная жизнь, но работу по дому, особенно прялку, она ненавидела всей душой. Это тревожило ее мать, потому что в те времена девушке, не умеющей стряпать и прясть, трудненько было найти себе мужа.

Однажды мать выбрала ее за лень и дала ей льняное волокно, сердито сказав:

«Вот что, голубушка, все это ты должна спрясть за три дня, так что не мешкай, берись за работу».

Бедная девушка не знала, с чего начать: ведь всякий раз, когда мать звала ее работать, она убегала в поле. Как ни старалась она, ровной пряжи не получалось, только пальцы заболели.

В первый же вечер так ей стало горько, что она заплакала и в слезах заснула. На следующее утро, посмотрев на свою работу, не стерпела она, выбежала из дому и пошла по зеленому берегу ручья. И казалось ей, что ручей завел грустную песню. Никак не шла у нее из головы работа, которую ей велела сделать мать. Но как приступить к делу, она

ума не могла приложить. Громко всхлипнув, присела она на большой камень, закрыла лицо руками, и слезы заструились у нее меж пальцев.

От слез ей стало полегче. Печально смотрела она на ручеек, потом перевела взгляд на каменный берег и вдруг заметила, что напротив нее на камне, в котором вода промыла отверстие, сидит маленькая старушка и усердно прядет, ловко суча нить.

Сперва девушка подумала, что ей почудилось, но старушка продолжала работать как ни в чем не бывало. Тогда девушка подошла к ней, чтобы лучше рассмотреть, как она прядет, но, приблизившись, она с удивлением заметила, что у старушки необычайно толстые выпяченные губы.

Девушка была приветливая и потому ласково поздоровалась со старушкой, а та, видно, обрадовалась, что есть с кем поговорить. Наблюдая, как ее новая знакомая сучит нить, девушка не удержалась и спросила, отчего у него такие толстые губы.

Старушка не рассердилась и сказала, что губы у нее стали такие толстые оттого, что она постоянно смачивает волокно. Тогда девушка рассказала ей о своей беде и о том, что осталось ей всего два дня, чтобы спрясть все волокно, которое дала ей мать.

«Полно, красотка! — весело воскликнула старушка. — Не стоит убиваться из-за какой-то пряжи. Сбегай лучше за волокном, и мы быстро спрядем его».

Девушка не заставила себя просить и вскоре принесла волокно старушке.

На третий день девушка собралась идти за пряжей. Уже стемнело, на западе ярко сияла вечерняя звезда, показалась луна. Все кругом безмолвствовало, только ручеек нашептывал громче, чем днем.

Она спешила по тропинке, как вдруг услышала

странный звук и остановилась. Казалось, кто-то говорит старческим скрипучим голосом. Звук исходил из отверстия в камне, промытого водой.

«А девушка-то и не знает, что меня зовут Хэбетрот», — говорил этот голос.

Она заглянула в отверстие и увидела словно через окошко уютную, ярко освещенную комнатку, в которой сидело несколько старушек, усердно работавших: они чесали и сучили льняное волокно, а потом сматывали пряжу в мотки. Среди них находилась и ее знакомая. Другую старушку называли Скэнтли Мэб. Лица их не были противными, но у всех были толстые выпяченные губы, длинные носы и выдающиеся вперед подбородки.

Девушка уже хотела отвернуться, как услышала, что Хэбетрот говорит Скэнтли Мэб, чтобы та связала пряжу, потому что пора ее отдавать. Она с облегчением вздохнула. Тут Хэбетрот вышла и отдала ей пряжу. Старушка и слышать не хотела о плате, как девушка ни уговаривала ее. Радостная и веселая, красотка отправилась домой.

А мать, устав за день, рано легла спать. Перед сном она сделала семь колбасок и повесила на веревочке над очагом подсушить.

Войдя в кухню, девушка положила аккуратные мотки пряжи на стол. Потом увидела колбаски и почувствовала, что голодна. Она взяла одну и поджарила. Колбаска оказалась такой вкусной, что девушка взяла другую, но тоже не наелась, и так она уписала все семь штук.

На следующее утро, когда ее мать вошла на кухню и увидела, что колбаски исчезли, она было рассердилась, но тут заметила семь аккуратных мотков пряжи, и гнев ее сменился радостью. Подойдя к столу, она взяла мотки и стала размахивать ими, смеясь и напевая:

Моя дочка спряла семь, семь, семь,
Моя дочка съела семь, семь, семь —
И все до света!

Она так развеселилась, что выбежала из дома, продолжая приплясывать и петь песенку, которую сложила о своей дочке. В это время мимо проезжал верхом молодой господин, владевший всей землей в округе. Услышав песенку, он соскочил с коня, чтобы узнать, чему так радуется женщина. Она показала ему аккуратные мотки пряжи, и он не мог не похвалить работу.

Пряжа была настолько тонкой и ровной, что он пожелал увидеть пряжу. Тогда мать стала звать дочку, но она так застеснялась, что ее всю красную от смущения пришлось притащить за руку. А надо сказать, что в ту пору молодой господин искал себе жену. Красивая девушка приглянулась ему, и, решив, что она будет хорошей хозяйкой в его большом доме, он предложил ей стать его женой.

Девушка побоялась признаться насчет пряжи — ведь все думали, что она сама так ловко прядет, к тому же молодой человек очень ей понравился. Вскоре они повенчались, и она поселилась в его большом доме.

После свадьбы молодая жена все раздумывала над тем, как бы ей признаться мужу, что она никогда в руках не держала прялки. Но она никак не решалась сказать ему правду.

И снова на помощь ей пришла Хэбетрот.

«Приведи сюда своего муженька, — сказала она. — Как посмотрит он на нас, так не захочет заставлять тебя прясть».

Однажды пошла молодая жена погулять с мужем к говорливому ручью. Когда они подошли к камню с отверстием, она попросила его заглянуть внутрь и сказать, что он видит.

Приложил он глаз к отверстию и остолбенел от удивления. Хэбетрот и другие старушки скакали по комнате вокруг прядильного колеса и перепрыгивали через прялки. Хэбетрот пела песенку, если только можно назвать пеньем те хриплые звуки, которые она издавала.

Губастые, противные
В норе унылой, жалкой,
Не видя света белого,
Мы скрючились над прялкой.

И душно и тоскливо нам,
Когда поем по вечерам.

Зато свежи, красивы те,
Кто ночью при луне,
Обнявшись нежно в темноте,
Сидят на валуне.

И вижу их тогда
Лишь я одна.

Песенка окончилась, и он услышал, как Скэнтли Мэб спросила:

«И вижу их тогда лишь я одна? Что ты хочешь этим сказать?»

«Кто-то снаружи смотрит на нас через отверстие в камне», — ответила Хэбетрот.

Подойдя к маленькой дверце, она отворила ее и очутилась перед юной парочкой у подножия старого дерева. Она пригласила их зайти.

Молодой супруг был очень обходителен со старушками, но не мог удержаться и спросил, отчего у них такие уродливые губы. Одна пробормотала что-то вроде «опря-а-а». Наверно, это значит «от пряления», — подумал он. Другая прошамкала: «Попря-а-а», третья — «пря-а-а».

Он посмотрел на Хэбетрот, и та подмигнула ему. Покосившись на его молоденькую жену, она намекнула, что когда-нибудь и ее розовые губки станут выпяченными и уродливыми, если она будет постоянно смачивать волокно, сидя за прялкой.

Тут он твердо решил, что никогда не допустит, чтобы его хорошенькая жена превратилась в уродину. С тех пор весь лен с его угодий посылали к Хэбетрот и другим старушкам, которые ловко пряли его своими проворными руками. И каждый год, когда приходила весна, нежная парочка отправлялась в поле полюбоваться на голубые цветочки льна, но мысль о прялке больше не омрачала счастье молодой жены.

В о л ш е б н о е з о л о т о

Сьюмас Маквин был самым громадным и самым ленивым человеком в Росшире. А еще был он великим мастером играть на волынке. И поскольку он отличался добродушием, как многие люди, которые не утруждают себя работой, его все любили.

Беда только, что от его нрава солоно приходилось его жене Мари. Насколько крупным и медлительным был ее муж, настолько она была маленькой и проворной. Но временами она прямо-таки с ног валилась: ведь, помимо работы по дому, ей надо было и торфу принести, и за коровами присмотреть, и кур покормить.

Да к тому же еще и поле было совсем заброшено.

Оно-то и беспокоило ее больше всего. Хорошо еще, что с дороги видны были только два участка, но и они не делали чести ленивому фермеру. Пока Сьюмас наигрывал где-нибудь на своей волынке или ловил форель, скот ломал ограду между участками, овцы отбивались от стада или заходили в кусты куманики, а заброшенное поле густо зарастало сорняками.

Миновала зима, и настало время сажать картофель. Повсюду фермеры выходили в поле со своими семьями и спешили вскопать землю, пока стоит хорошая погода. А у Сьюмаса посевной картофель прорастал в мешках — ростки пустил длиннее самых длинных дождевых червей. Мари стыдила его, да что толку? Сьюмас знай себе посмеивался и уверял ее, что как только отдохнет, так и примется за работу. А сам забирал волынку и удочку и уходил на целый день.

Наконец Мари стало невтерпеж. Сидела она однажды в кухне и плакала. И так она разозлилась, что сняла с пальца обручальное кольцо и уже готова была выбросить его в окно, как вдруг ей в голову пришла одна мысль.

Она взяла коробочку с безделушками, высыпала в подол ее содержимое, отобрала три медных фартинга и солдатскую пуговицу и вместе с кольцом завязала в уголок платка. Потом взяла мешок с картофелем и отправилась в поле.

Большим круглым камнем она начала колотить по монетам и медной пуговице, пока они не приняли почти одинаковый вид, а затем натерла их так, что они заблестели, как золото. Тогда она закопала их в разных местах и вернулась в дом.

Вечером, когда пришел Сьюмас, Мари плотно при-

крыла дверь, заложила засов и тихонько сказала:

«Знаешь, Сьюмас, странная вещь случилась. Ходила я сегодня в поле сажать картофель. Не успела копнуть, как нашла в земле кольцо. Вид у него был не бог весть какой, пока я его как следует не потеряла, но думается мне, что оно золотое!»

Развязав уголок платка, Мари показала ему сверкавшее кольцо Сьюмас, не отрываясь, смотрел на золото, поблескивавшее в лучах заходящего солнца. Ему и в голову не пришло, что это обручальное кольцо его жены.

«Скажи пожалуйста! — прошептал он, беря кольцо в руки. — Какое красивое кольцо — наверняка золотое! Вот удача-то, Мари. Так ты говоришь, в картофельном поле?»

«Да, Сьюмас, и если бы я не устала, я подольше покопала бы, ведь там, может быть, еще что-нибудь зарыто. Вот было бы замечательно, если бы мы нашли место, где волшебницы прячут свои сокровища!»

Глаза у Сьюмаса заблестели — и ему пришла в голову та же мысль.

«Волшебное золото! Я и раньше слышал о нем. Вот бы набрести на него! Тогда уж не пришлось бы мне больше работать! Но странно, сколько раз я перекапывал это поле, а никогда не находил ничего, кроме камней».

«Это потому, что ты недостаточно глубоко копаешь, Сьюмас. Была бы я сильным мужчиной вроде тебя, я бы не пожалела ни себя, ни лопаты. Кто знает, какой там клад спрятан!»

Конечно, лень-матушка раньше Сьюмаса родилась, но мысль о кладе запала ему в душу. Он уже представлял себе, как будет наполнять золотом мешок за мешком. И вот на следующее утро поднялся он

чуть свет, чтобы отправиться на поиски клада, даже есть не стал. Жена окликнула его с постели.

«Послушай, Сьюмас, а не лучше ли тебе для вида сажать картофель. А то, если соседи догадаются, что ты золото ищешь, соберутся вокруг тебя и станут глазеть».

Сьюмас послушался совета и прихватил с собой в поле мешок с картофелем. То-то удивились соседи, когда, проснувшись, увидели, что Сьюмас Маквин копает землю и сажает картофель с таким усердием, как будто от этого зависит его жизнь. А уж грачам была пожива — много Сьюмас выкопал червяков, глубоко взрыхляя землю!

Прошло часа два, и пыл Сьюмаса несколько охладил. Спина заняла от непривычной работы, и он хотел было бросить копать, да услышал, что о лопату что-то звякнуло. Это была солдатская пуговица. Глаза его раскрылись от удивления. С бьющимся сердцем он поднял пуговицу, но сколько ни старался, никак не мог понять, что это такое. В одном он не сомневался: судя по цвету, предмет был золотой.

Находка подняла его настроение. С новой надеждой он принялся копать и сажать. Несколько минут спустя он нашел одну из монет и заплясал от радости. Теперь Сьюмас был уверен, что скоро откопает большой клад.

Так трудился он до вечера, останавливаясь только чтобы поесть. Всякий раз, как его начинала одолевать усталость, позвякивание монет в кармане придавало ему сил. Соседи посматривали на него со своих наделов в полной уверенности, что он рехнулся: как иначе могли они объяснить внезапное превращение этого беззаботного лодыря в такого усердного, прилежного работника?

Наконец поле было вскопано от края до края и в каждой борозде посажен картофель. Сьюмас совсем

обессилел от усталости и разочарования. Ведь он нашел только то, что спрятали Мари! Вечером он как сноп повалился в постель, сунув под подушку кольцо, три монеты и солдатскую пуговицу, и проспал всю ночь и весь следующий день.

Мари была рада-радехонька, что ее план удался, и ласково поглядывала на усталого мужа, спавшего богатырским сном. Никогда раньше он не спал так крепко и не храпел так громко! Проснувшись, Сьюмас потянулся: все тело его ныло. Тут он вспомнил о безуспешных поисках клада и быстро сунул руку под подушку, чтобы убедиться, что ему это не во сне привиделось. Но там ничего не было! Пока он спал, Мари снова надела кольцо на палец, а остальное бросила в колодец.

«Да нет, не могло мне это присниться, — сказал он жене, — ведь до сих пор от работы в поле все тело ломит. Я же откопал несколько монет и положил их сюда вместе с кольцом, которое ты нашла. Куда они подевались?»

«Наверное, волшебницы пришли, забрали свое добро, Сьюмас, и опять спрятали где-нибудь в поле, — ответила она. — Может быть, если ты снова начнешь копать...»

При этих словах Сьюмас громко застонал, повернулся на другой бок и снова заснул. На следующее утро он встал, оделся, плотно позавтракал и отправился ловить форель. Со вздохом посмотрела Мари на мужа, опять принявшегося за старое, но тут же украдкой улыбнулась: картофель-то он все-таки посадил!

*Слабый, да прилежный лучше сильного,
да ленивого*

Т р и в е с е л ы х м о н а х а

В давние времена Берик-он-Туид был городом-крепостью на границе с Англией. Его могучий замок с зубчатыми стенами и бойницами был окружен ровом с водой. Опускная решетка на крепостных воротах надежно защищала вход.

В любое время дня на улицах древнего города можно было встретить монахов разных орденов, которые отличались друг от друга цветом рясы — их так и звали: белые монахи, серые монахи и черные монахи.

Однажды летним вечером к городу подошли два белых монаха — брат Аллан и брат Роберт. Они обходили близлежащие селения, проповедуя и собирая деньги для своего монастыря. Оба монаха пользовались любовью деревенских кумушек, потому что были краснобаями и могли без конца рассказывать занятные истории из жизни святых.

Брат Аллан был стар и шел с трудом. Он то и дело останавливался от боли, которая стала мучить его в последнее время. Брат Роберт был молод и силен и пребывал в отличнейшем настроении; лицо его выражало добродушие, и он охотно смеялся. В пути брат Роберт нес поклажу обоим.

Когда они подошли к окраине города, брат Аллан сказал устало:

«Давай отдохнем немного в трактире нашего доброго друга Саймона Лодера, дальше мне идти не вмоготу».

Они вошли, и брат Роберт велел подать пива. Прихлебывая из высоких кружек, они разговорились с хорошенькой женой трактирщика. Брат Аллан про-

должал сидеть, сгорбившись от усталости, и его товарищ заказал еще пива, чтобы отдохнуть подольше.

Он справился о Саймоне и узнал, что тот поехал в деревню за сеном и фуражом: ведь в трактир часто заезжали путешественники на лошадях. Вдруг монахи вздрогнули и прислушались: в их монастыре звонили колокола, призывая к вечерней молитве. Теперь уже поздно спешить! Большие ворота были закрыты на ночь, и никто не мог войти.

«Придется нам заночевать у вас, хозяйюшка», — сказал брат Роберт.

«Нет, нет, — поспешно возразила она. — Мой муж в отъезде... и потом у меня нет свободных кроватей. Я не могу оставить вас у себя».

«Я промок от дождя, — пожаловался брат Аллан. — Я устал и измучен. Неужели у вас хватит духу выставить нас на улицу?»

«Полно, хозяйюшка, — уговаривал ее брат Роберт. — Вы не поступите так жестоко. Дайте нам поужинать, мы очень проголодались, и устройте нас на ночь. Мы вам хорошо заплатим».

Хозяйка продолжала упираться, но под конец нехотя разрешила им переночевать на чердаке. Поставив на стол хлеб с сыром, она послала служанку постелить им на сеновале. Туда они и отправились, поднявшись по лесенке в дальнем конце дома. Брат Аллан блаженно растянулся, и вскоре его сморил сон. Но у брата Роберта сна не было ни в одном глазу, он с удовольствием посидел бы подольше.

Между тем трактирщица, избавившись от постояльцев, велела служанке накрыть на стол и развести огонь в очаге. Потом убежала к себе в комнату и надела ярко-красное шелковое платье. Старательно причесавшись, она повязала голову белой косыночкой, которая подчеркивала свежесть ее лица.

Талию она стянула красивым кушаком, к которому был подвешен кошелечек с золотыми монетами и ключи, весело позвякивавшие при каждом шаге. Услышав тихий стук, которого она, видно, ожидала, хозяйка быстро подбежала к двери и отомкнула ее. В комнату вошел толстый веселый монах в серой рясе. Он тащил две корзины, прикрытые белыми салфетками. Хихикая и взвизгивая от удовольствия, красotka начала выкладывать на стол содержимое корзин: белый хлеб, французское вино, курицу, связку фазанов, золотистые хвосты которых торчали меж прутьев корзины. Ее гость — не кто иной, как сам настоятель, который в любой момент мог ускользнуть из монастыря через калиточку, известную ему одному, — как видно, с нетерпением ожидал пиршества и умильно глядел вслед хозяйке, упорхнувшей на кухню, чтобы приказать служанке зажарить на вертеле курицу и фазанов.

Лежа на чердаке, брат Роберт слышал, что внизу происходит какая-то суматоха, то и дело раздаются легкие шаги, а время от времени прямо над ним слышится раскатистый мужской смех. Любопытство одолело его. Вынув нож, он стал ковырять пол, который служил потолком нижней комнаты. Просверлив дырочку, он приложил глаз к створстию. Под ним находился стол, покрытый белоснежной скатертью, а на нем красовался ужин, от которого не отказался бы и сам король: белый хлеб в плетеной корзиночке, деревянные блюда с заманчивыми яствами. Соблазнительные запахи с кухни напомнили монаху, что он не поужинал как следует. Но когда он увидел, что гость, ради которого устроено пиршество, сам настоятель монастыря серых монахов, глаза его полезли на лоб.

В это время раздался стук в дверь. Это неожиданно вернулся хозяин Саймон. Парочка, сидевшая за ужином, испуганно заметалась. Тут хозяйка вспо-

мнила о ларе для муки, подтолкнула к нему серого монаха и, когда он залез туда, захлопнула крышку.

Потом она быстро убрала еду со стола в буфет, задула свечи и поспешила к себе в комнату. Саймон бушевал у двери, требуя, чтобы Элисон отворила, но Элисон в это время стаскивала с себя красное шелковое платье и укладывалась в постель.

Не добившись толку, Саймон обошел дом и позвал Элисон через окно.

«Кто там? — отозвалась она сонным голосом. — Мы заперлись на ночь и не можем впустить вас... Ах, это ты, Саймон!» — воскликнула она, делая вид, что сразу не узнала его голос.

Прошло много времени, пока она встала с постели и отворила дверь. Саймон шумно ввалился в дом, бросил поклажу и, сняв сапоги, потребовал ужин. Ворча, Элисон достала хлеб, студень из телячьих ножек да баранью голову и подала мужу. Он был голоден и жадно набросился на еду. После выгодной сделки с фермерами настроение у него было превосходное и ему хотелось поболтать.

«Спать пора, — недовольным тоном проговорила Элисон, — порядочные люди давно спят».

«Эх, жаль, что сегодня в трактире никого нет! С тобой и поговорить нельзя».

Услышав эти слова, брат Роберт подумал, что недурно было бы ему спуститься к Саймону и полакомиться теми яствами, которые спрятаны в буфете. Он громко закашлял.

«Кто это?» — спросил Саймон, глядя на потолок.

«А это два монаха засиделись вчера, пока ворота не заперли, — ответила жена. — Не тревожь их, они очень устали».

В это время брат Роберт и брат Аллан показались на пороге. Узнав их, Саймон очень обрадовался и радушно поздоровался с ними.

Некоторое время они сидели, рассказывая друг другу новости, затем Саймон пригласил их придвинуться к столу и сказал:

«Ужин мой небогат, но охотно поделюсь с вами, чем бог послал. Не взыщите».

«А чем бы вы хотели угостить нас, дорогой Саймон, — спросил его брат Роберт, усаживаясь, — если бы ваше желание могло исполниться?»

«Жареной курицей...»

«И фазанами?» — добавил монах.

«Да и самым лучшим белым хлебом».

«А обмыть все добрым французским вином! — воскликнул брат Роберт. — Ваше желание исполнится!»

Саймон добродушно засмеялся.

«Пожелать-то нетрудно», — сказал он.

«Все на свете возможно, — изрек монах с важным видом. — Скажу вам по секрету: я изучал черную магию, когда учился в Париже, и знаю заклинания. Погодите, сейчас вам будет ужин!»

Он достал книжку и, расхаживая по комнате, стал переворачивать страницы. Наконец, найдя нужное место, он начал читать нараспев по-латыни, то понижая, то повышая голос, то медленно, то быстро, но ни разу не улыбнулся. Саймон, не понимавший по-латыни, поверил, что монах колдует.

Затем брат Роберт принялся гримасничать и чудно махать руками, постепенно приближаясь к буфету. Тут он проделал какие-то таинственные движения. Саймон при виде этого зрелища раскрыл рот, но Элисон, стиснув руки, с испугом подумала: уж не выведаль ли монах ее тайну? Когда он скомандовал: «Доставайте яства!» — и поманил ее, она быстро подбежала, раскрыла дверцы буфета и сделала вид, что очень удивлена, обнаружив в своем буфете такие лакомые блюда.

Она поставила их перед тремя мужчинами, которые

принялись уписывать ужин, поддразнивая ее, что она не хочет отдать должное угощению. Она же сидела в мрачном молчании.

Саймон пришел в еще лучшее настроение. Наконец он спросил брата Роберта, какой это дух работает на него.

«На что он похож? Я бы хотел поглядеть на него». «Это очень рискованно, — сказал монах. — Но раз уж вы так хотите, он может появиться в любом обличье по вашему желанию. Итак, в каком виде показать его вам?»

«Пожалуй, — ответил Саймон, задумавшись, — в виде... белого монаха. Тогда он не сможет причинить вреда!» — и он засмеялся, считая, что сказал умную вещь.

«Жаль, что вам это пришло в голову, — сказал брат Роберт, — я не могу допустить, чтобы дьявол посмеялся над орденом белых монахов. Не лучше ли, чтобы он явился в обличье серого монаха?»

Он велел Саймону на всякий случай держаться поближе к нему, но все же вооружиться дубиной, чтобы ударить дьявола, когда тот промчится мимо. Саймон не замедлил разыскать дубину потяжелее, и, судя по тому, что он бормотал при этом себе под нос, можно было подумать, что он не очень-то жалуется серых монахов.

Брат Роберт опять принялся за свои заклинания, на этот раз возле ларя для муки. Он сделал странные знаки и расставил руки, словно желая извлечь оттуда духа. Тихим голосом приказал он духу выйти из ларя, надвинуть капюшон на лицо и, не теряя ни минуты, бежать в отворенную дверь.

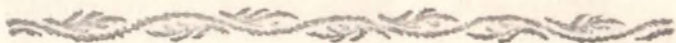
Крышка ларя приподнялась, и Саймон увидел, что оттуда вылезает серый монах. Когда тот пробежал мимо них, брат Роберт закричал:

«Бейте его, бейте!»

Дубина опустилась на спину монаха с такой силой,

что Саймон потерял равновесие и ударился о косяк двери. Оглушенный, он упал без сознания. Серый монах шлепнулся в грязь по ту сторону порога, но тут же вскочил и побежал прочь.

Брат Роберт наклонился к Саймону и велел Элисон принести воды, чтобы обмыть его окровавленный лоб. Когда позднее он оставил мужа на ее попечение, она никак не могла понять, отчего губы его кривит лукавая усмешка.

СОДЕРЖАНИЕ

От Издательства	5
Овсяная лепешка	<i>Перевод Н. Лосевой</i> 7
Король-лосось	<i>Перевод Нины Зиновьевой</i> 11
Великаны из Лох-Шила.....	<i>Перевод Н. Лосевой</i> 13
Ласка и Лис	<i>Перевод С. Григорьевой</i> 16
Волшебная пещера	<i>Перевод Нины Зиновьевой</i> 18
Серебряная волынка	<i>Перевод И. Архангельской</i> 21
Волшебная краска	<i>Перевод С. Григорьевой</i> 25
Шотландский Самсон	<i>Перевод Нины Зиновьевой</i> 28
Белый мотылек	<i>Перевод Н. Лосевой</i> 29
Даэрмейд и вепрь	<i>Перевод И. Боронос</i> 31
Гном и черный поросенок	<i>Перевод Н. Лосевой</i> 35
Лис и Волк.....	<i>Перевод Нины Зиновьевой</i> 39
Рыжий Этин	<i>Перевод И. Боронос</i> 40
Жена без языка.....	<i>Перевод С. Григорьевой</i> 46
Маленькая овсяная лепешка	<i>Перевод Нины Зиновьевой</i> 49
Легенда о Малиновке и Крапивнице	<i>Перевод И. Архангельской</i> 51
Барон-разбойник и мыши....	<i>Перевод Нины Зиновьевой</i> 54
Заколдованная маслобойка ..	<i>Перевод С. Григорьевой</i> 56
Серый гусь	<i>Перевод И. Боронос</i> 60
Дева-тюлень	<i>Перевод С. Григорьевой</i> 62
Чудесный сапожник.....	<i>Перевод И. Боронос</i> 66
Страна Вечной Юности	<i>Перевод И. Боронос</i> 70

Друзья познаются в беде	<i>Перевод Нины Зиновьевой</i>	73
Два горбуна	<i>Перевод С. Григорьевой</i>	74
Макиэйн Гирр	<i>Перевод Нины Зиновьевой</i>	78
Добрые соседи	<i>Перевод С. Григорьевой</i>	79
Скрипач Макюзна	<i>Перевод И. Борнос</i>	83
Энгус От и птицы	<i>Перевод И. Архангельской</i>	88
Волшебная скамеечка	<i>Перевод И. Борнос</i>	91
Кэнонби Дик в Эйлдонских горах	<i>Перевод С. Григорьевой</i>	94
Любопытный портняжка и молоко	<i>Перевод И. Архангельской</i>	98
Хэбетрот	<i>Перевод Н. Лосевой</i>	100
Волшебное золото	<i>Перевод Н. Лосевой</i>	105
Три веселых монаха	<i>Перевод Н. Лосевой</i>	110

Пословицы и поговорки в переводе *И. Архангельской*

СЕРЕБРЯНАЯ ВОЛЫНКА

Редактор *И. Грачев*
Художественный редактор
В. Я. Быкова
Технический редактор
Л. М. Харьковская

Сдано в производство 28/II 1959 г.
Подписано к печати 21/VII 1959 г.
Бумага 84×108 $\frac{1}{32}$ — 1,90. Бум. л.
6,22 печ. л., в т/ч вкл. 1.
Уч.-изд. л. 4,85. Изд. № 12/1704.
Цена 4 р. 55 к. Зак. 1086.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.
Москва, Ново-Алексеевская, 52.

16270/1. — Типография им. Зрини,
Будапешт, Венгрия.

Середня волна